

Виталий Бабич

Семь историй о любви и катарсисе

Цикл квинзитивной прозы

Оля **А**лина Роман ВЕРА Влади

Михаил **Ю**рий Оксана Ян

АНДРЕЙ Иза**б**елла Жаннет Викто

Витольд **Г**алина Александр

Игорь АНТОН ОЛЕГ **Ю**лия Ник

Виталий Бабич

**Семь историй о любви
и катарсисе. Цикл
квинзитивной прозы**

«Издательские решения»

Бабич В. В.

Семь историй о любви и катарсисе. Цикл квинзитивной прозы /
В. В. Бабич — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-742719-1

В каждом произведении цикла — история катарсиса и любви. Вы найдёте ответы на вопросы о смысле жизни, секретах счастья, гармонии в отношениях между мужчиной и женщиной. Умение героев быть выше конфликтов, приобретать позитивный опыт, решая сложные задачи судьбы, — альтернатива насилию на страницах современной прозы. Причём читателю даётся возможность из поглотителя сюжетов стать соучастником перемен к лучшему: «Начни менять мир с самого себя!». Это первая книга в концепции оптимализма.

ISBN 978-5-44-742719-1

© Бабич В. В.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
История первая. Алина	7
День первый. Стыд и гордыня	8
День второй. Равновесие	13
День третий. Взаимность	17
История вторая. Верочка	19
История третья. Нирвана	24
История четвёртая. Сестра Марина	29
История пятая. Две Галины	37
История шестая. Духовные иллюзии	43
Часть первая	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Семь историй о любви и катарсисе

Цикл квинзитивной прозы

Виталий Владимирович Бабич

© Виталий Владимирович Бабич, 2019

ISBN 978-5-4474-2719-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Дорогие читатели! Отправляю на ваш суд эти сотворения.

Рассказ, новелла, повесть, роман... Разные жанровые формы, разные истории, связанные между собой не только концепцией данного сборника, но и единым творческим методом – *оптимализмом*. Он разработан автором этих произведений с целью смещения акцентов с круговорота противоречий, проблем и страданий к оптимизации гармонии жизни, к счастливым ситуациям и героям. Тем не менее, оптимализм презентуется не как противник реализма, а как его союзник, конструктивный критик.

В основе историй «Верочка», «Духовные иллюзии», «Две Галины» – невымышленные ситуации. У некоторых персонажей есть прототипы.

Все произведения сборника автор относит к *квинзитивной прозе* (состоит из пяти элементов: личная драма героя/героев, его/их философские мысли, нестандартные поступки/ситуации, катарсис, счастливая концовка), входящей в структуру оптимализма. В большинстве историй встречаются *перфекшн-эпизоды*, в которых описано (отражено) состояние счастья героя и/или связанные с этим ситуации. Не менее важно для автора и душевное состояние читателя в процессе прочтения книги и после этого.

Таким образом, сборник можно назвать мини-коллекцией позитивной прозы, которую оптимализм укрепляет с теоретической и практической точек зрения. А главная цель при этом – не просто отразить реальность, а преобразовать её, восполнить гармонией отношений между людьми. С данной точки зрения, произведения сборника содержат ярко выраженную воспитательную (педагогическую) функцию, что нетипично для современной художественной литературы, поэтому является моментом инновации.

Желаю всем читателям сотворчества и новых витков оптимизма!

История первая. Алина Повесть

Марина Юрий Татьяна Яна

*Катя **Алина** Антон **ВЕРА** Влад*

*АНДРЕЙ Виктория Виктор **Жанна***

Виталий** Галина **Роман

*Игорь **ОЛЕГ** юлия Святослав*

День первый. Стыд и гордыня

– Вот роман и закончился, — с грустной улыбкой сказал он вслух и закрыл книгу.
«И ваш Роман, видимо, тоже», — тут же подумал про себя самого, с укором взглянув на свои ноги, прикованные судьбой к инвалидной коляске.

Роман резко крутанул колёса, и коляска подъехала к открытому балкону.

«Балкончик тут что надо – просторненький».

Он подъехал к самому краю.

«Прям как в графской усадьбе».

И, подтянувшись, посмотрел вниз.

«Только не учли архитекторы один момент: ограждение низковато. Такому, как мне, конченному инвалиду, чуток поднапрячься и – тью-тью вниз... Этаж, правда, всего лишь второй...»

Внизу началось оживление: подъехали машины, из них вышли люди, которых вышли встречать другие люди: администрация Дома инвалидов. А ТВ-пресса тут как тут – стали снимать всё это дело...

«Ага... Вот и началась та самая акция, о которой последние два дня только и говорят. Весёленький сюжетик будет: нас по телеку покажут...»

– Сивцов! – окликнула его медсестра Верочка. – А вы как тут оказались? Давайте-ка, поедем вниз. Срочно вниз! Все уже давно там, кроме вас.

– Шас, только парашют пристегну, – усмехнулся он.

А она уже была около него.

Когда коляска, управляемая Верой, отъехала от балконной двери, свита оказалась уже здесь, на втором этаже.

И вдруг... Роман вздрогнул от неожиданности.

«Не может быть!..»

Он внимательнее взглянул туда, где несколько мгновений назад мельком увидел молодую женщину, так похожую на... одну его знакомую. Он вспомнил её имя и непроизвольно упёрся в спинку коляски, словно пытаясь спрятаться за ней.

– Сивцов, не упирайтесь! – попросила Вера, – Мне стало трудно вас везти. С вами всё в порядке?

– Да не волнуйтесь вы за меня. Лучше скажите, Вера, вы знаете, кто эта дама в белом костюме?

Роман снова увидел её. Только в этот раз женщина стояла к нему спиной.

– А как же! Знаю. Это директор Центра реабилитации, который проводит акцию.

– Директор? – переспросил Роман и подумал: «Если директор, да ещё такого Центра, то вряд ли это она...»

– Ну, да, директор, – уверенно подтвердила Верочка, – Алина Алексеевна.

После этих слов Романа будто током ударило.

«Алина?... Тоже Алина... Это совпадение... А сон? Тоже совпадение?»

Верочка отлучилась. Роман отъехал в сторону и оживил в памяти сон, увиденный им прошедшей ночью. Вереница мыслей закружилась в его душе:

«Не может быть... Она, Алина, была во сне. А теперь уже наяву... Что же это происходит?... Вот, романтик хренов, захотел счёты с жизнью свести. А тот свой грех, как и многие другие, кому оставил?... Эх, если есть Бог на белом свете, то Он мне тем грехом по башке, по башке...»

Сон тот был лёгок на начало, да тяжек на конец...

Роман беззаботно загорает на пляже. Это его личный пляж, протянувшийся на несколько километров вдоль берега моря. Вокруг босса – Романа Михайловича — сидит-лежит свита: brave охранники, разного сорта партнёры, модельные девочки, ещё и ещё кто-то. Даже его личный массажист («Откуда он взялся? Я ведь его себе ещё завести не успел...»).

Царившая вокруг неги усиливает жар, и босс хочет новых развлечений. Для него приводят танцовщиц. Их танцы живота уже ничуть не впечатляют Романа Михайловича. Он зевает. Он не доволен. Он смотрит на девочек из свиты. Он желает увидеть среди них какую-нибудь новую.

И тогда к нему подводят самую-самую новую. Босс смотрит на неё, как на какую-то диковинку. Она не такая, как все. Она будто с другой планеты. Она красивее самой красивой из свиты. Хотя, что в ней особенного? Не блондинка, волосы русые. Не супермодель, роста среднего. Фигурка обычная. Черты лица тоже ничего... А вот глаза!.. Какие-то особенные. Светятся!

Эти глаза ослепляют Романа. Он зажмуривается, как от яркого солнца, и вспоминает, что эта незнакомка ему знакома.

– Ба-а! Так ты ведь та самая журналистка, которая так и не взяла у меня интервью. Как тебя зовут? То ли Алёна, то ли Алина...

– Алина, — отвечает она совершенно спокойно, и её полюбнажённое тело укрывает какое-то белое одеяние.

– Ну, так возьми же теперь, Алина, — смеётся он.

– Скоро. Но не теперь — отвечает загадочно она, продолжая светить в его глаза.

Ему такой ответ не по нраву. Он тут царь и бог. Ему всё дозволено. И тогда резким движением руки Роман срывает с Алины одежду и захватывает жертву в свои объятия. Но ему кажется, что она мгновенно ускользнула, и он обнимает уже какую-то другую девушку, которая только внешне похожа на Алину. Эта Лжеалина так и липнет к боссу. Они падают в песок (покрывало куда-то исчезло). Они, как безумные, качаются по песку... А когда Роман встаёт, на эту липучую тут же набрасываются все остальные.

– Эй! Кто вам разрешил? — кричит от возмущения босс и ужасается:

«Эти голодные псы разорвут её на части...»

Но он не в силах что-то изменить.

И тут же вместо свиты оказываются какие-то полулюди-полузвери, очень похожие на псов. А девушки уже нет на песке. Псы рвут на части друг друга. И один из них бросается на хозяина...

В ту ночь Роман проснулся в холодном поту. Сердце стучало в груди, как набат. А через несколько минут, вспоминая свою почти десятилетней давности любовную историю со студенткой-журналисткой Алиной, он разглядел одну из скрытых сторон этого сна: осуществилось то, чего он добивался наяву, то есть попользоваться девушкой, как необычной, ярко блестящей вещью. И что же получилось?.. Подобная мерзость, что и во сне. Только декорации другие...

Вместо пляжа – банкет после открытия самого крутого в городе бизнес-центра. А далее на первый план выходит прихоть полупьяного мужчины – преуспевающего бизнесмена, желающего стать светской знаменитостью большой величины. Он просто хотел позабавиться с молоденькой журналисткой – типа прокатиться на новой машине. А заодно – поиграться в любовь. Поиграться с той, которая в отличие от других девочек не бросалась ему на шею. С той, которая ищет иного – чистоты отношений, благородных порывов...

«Как же это старомодно, крошка», — думал Роман тогда. И её непохожесть на других, её неприступность вскоре стала его раздражать. Намереваясь и силой, и хитростью заиметь такую

птичку среди своих любовниц, а по сути – растоптать её невинность, он сам от себя не ожидал такого варварства. А она... Она, словно бабочка, выпорхнула из его объятий. И ушла-улетела.

Ушла из его жизни, как казалось, навсегда. И была ли это нормальная жизнь, если, в итоге, он оказался тут, в Доме инвалидов?

Мог бы, конечно, сюда не угодить, если бы воспользовался услугами бывших партнёров. И ведь хотел же после авиакатастрофы – ещё до операции на позвоночник – воспользоваться. Даже чуть ли не требовал по отношению к себе скорой помощи от своего бизнес-клана, слыша их неутешительное «*Ты ещё хорошо отделался, другие при падении самолёта сразу коньки отбрасывают...*». Но после той операции...

После операции он будто заново родился. Противна стала ему вся эта гонка вооружения баксами. Во взглядах своих «коллег» он наткнулся на беспросветную пустоту. А главное – на безразличие.

«*Ну, кому ты теперь нужен, инвалид беспомощный? Времени нет с тобой возиться*» – читал он в их взглядах на фоне меркнущих обещаний о брателловской взаимовыручке.

В итоге, братва его кинула...

А подобрал – Дом инвалидов. По какой-то там социальной программе...

«*И вот теперь, – соображал Роман, – если эта женщина в белом – та самая Алина, то, выходит, мы поменялись с ней местами: она на высоте, а я... в дерьме. Мне стыдно?.. За себя теперешнего мне даже более стыдно, чем за тот свой поступок по отношению к ней?.. Нет, у меня должен быть двойной стыд. Двойное отвержение к себе самому. О, чёрт возьми...*»

От душевной боли ему захотелось закурить. Но сигарет не было. После аварии, в результате которой он получил травму позвоночника, при каждой выкуриваемой сигарете начинался приступ кашля, сильно мутило, часто кружилась голова (как сказал ему один врач, это ещё малоизученные и очень редкие симптомы). Поэтому легче было отказаться от курения, чем ему поддаваться.

Директор Центра реабилитации и её свита вернулись на первый этаж, и Вера туда же переместила Романа. И в тот же миг... женщина в белом обернулась в его сторону.

В руках у неё были бумаги. Она обратила взор на них, стала читать для кого-то какие-то фамилии. Затем посмотрела по сторонам. Вокруг неё, как дети у новогодней ёлки, уже сидели инвалиды в своих колясках. Она им что-то говорила, говорила, улыбаясь. Видеокамера в руках оператора вращалась то влево, то вправо...

Вера снова отошла и снова вернулась. Встала за спиной у Романа. Она что-то у него спрашивала, а он её слышал, но не слушал. Поглядывал на эту директоршу в белом. И всё происходящее напоминало ему картину одного художника, на которой был изображён белый, величественный лебедь среди непроходимого серого болота... Поглядывал и узнавал в директорше ту самую Алину и... Не верил в это. И больше всего на свете хотел, чтобы она его не узнала.

Но как только он об этом подумал, возникшая ситуация «выкатила» Романа из тени. Что же произошло?

Да просто подошедший к Алине Алексеевне директор Дома инвалидов стал с ней о чём-то беседовать и вдруг указал в сторону Романа. И она тут же подошла к нему.

«*Куда ж тут денешься с подводной лодки?.. Да ещё на инвалидной коляске*» – признался он себе и мгновенно оробел, скукожился, как напакостивший мальчишка, застигнутый врасплох. От невозможности куда-либо скрыться он зажмурил глаза...

– Здравствуйте, Роман Сивцов!

Первые мгновенья ему казалось, что это галлюцинация. Затем – что директорша обращается не к нему.

Но вот она снова называет его имя и фамилию и добавляет:

– Вы меня слышите?

«О, блин! Это её голос. Это точно она» – прошептал он себе самому, прежде чем открыть глаза.

А ещё в его взбудораженном сознании мелькнула, как спасательный круг, шальная мысль:

«А не прикинуться ли мне дурачком?»

Но Роман не ухватился за неё – противно стало – и открыл глаза.

Открыл и...

Увидел перед собой встревоженное лицо Веры.

– Сивцов, вам плохо?

Он мог лишь мотнуть головой. И не поднимать глаза в сторону Алины.

Не поднимал их даже после её повторно-терпеливого:

– Здравствуйте, Роман Сивцов!

Он молчал, как глухонемой. Лицо Веры исчезло с его горизонта.

Алина присела на уровне его глаз и сказала:

– Роман! В связи с проводимой нами акцией вы будете моим подопечным.

«Куда ж тут денешься с подводной лодки?..»

Он был вынужден посмотреть на неё. Посмотрел и изумился. Она стала ещё прекраснее. И тот же ослепительный взгляд.

«Какие у неё всё-таки удивительно выразительные глаза!..» – заметил он и подумал о том, что красота её, действительно, особая, какая-то очень натуральная.

Да, это была та естественная, не брендовая, красота, которую не создают, а лишь подчёркивают (хотя порой и искажают) разными оттенками эксклюзивная косметика, супермодная одежда, драгоценные украшения и другие женские штучки. Эта красота ваяется изнутри – изяществом сил душевных.

От переполнявших его впечатлений, смешавшихся с чувством двойного стыда, Роман был не в силах ответить на приветствие.

«Она меня не узнала?» – закралась в его сердце надежда, и он смог лишь тихо-тихо произнести своё запоздалое:

– Здравствуйте...

Медсестра Вера снова куда-то отошла. Они остались вдвоём.

– Роман, я тоже отойду. К журналистам на минут пять. И тут же вернусь. Я быстро.

Алина подошла туда, где её ждали: в самую гущу событий – туда, где брали интервью у директора Дома инвалидов, представителей министерств социальной защиты и здравоохранения.

«Она в полном ажуре. А я... – думал Роман, воспользовавшись минутами одиночества. – Неужели она всерьёз готова возиться со мной? Как с ребёнком... Бред. Зачем ей это? Ничего мне не надо. Ничего... Зачем она ко мне липнет?.. Не нужна мне её жалость...»

Его мрачные мысли прервало возвращение Алины.

– Ну, вот теперь я свободна.

– Да, вы свободны, – резко ответил Роман. – Оставьте меня в покое.

Он сам не ожидал от себя такого всплеска негодования. А она, наткнувшись на такую стену, смутилась. Но быстро пришла в равновесие.

– Роман, что вам не по душе? Давайте поговорим, ведь наша акция...

– Поставь галочку напротив моей фамилии в отчёте по вашей акции и – гуд бай.

Он развернул коляску в обратную сторону и покатил прочь. А она стояла и смотрела ему вслед. Лучезарная улыбка на её лице потускнела.

Алина глубоко вздохнула, сохраняя спокойствие. А он, удаляясь от неё, не вписался в поворот и чуть было не загремел по лестнице...

Той ночью Роман заснул только под утро. Никогда ещё он так много не думал-передумывал. В памяти прокрутилась кинолента всей его жизни – вплоть до прошедшего дня.

«Зачем я так с ней? По-свински... Вот, гордыня неуёмная. Да ещё и зависть, – наконец-то признался он себе. – Раскудахтался, как петух оципаный. Цену будто набивал... Извиниться надо перед ней. Надо. А если она больше не придёт?..»

День второй. Равновесие

Она пришла.

Встреча произошла, как ни странно, на том же самом месте, где расстались вчера. Роман преодолел затаившиеся остатки стыда и гордыни и попросил у неё прощения за своё невежество. Он хотел сразу же скрыться подальше с её глаз. Но она продолжила тему:

– Роман, а я и не обижаюсь. В тот момент вы не смогли поступить иначе. Да и не привычно вам, чтобы кто-то стал вас опекать ещё тщательнее, чем медперсонал. Это будто подчёркивает вашу беспомощность. Так ведь?

– Вроде бы так.

– Ну, а галочку ставить напротив вашей фамилии вовсе и не обязательно. Наша акция – это не формальность. Это наша работа, а работать мы стараемся от души.

Он молча переваривал эти слова и не мог поверить, что на белом свете – да прямо тут, у него под носом – есть такие абсолютно бескорыстные люди, работающие не от выгоды, а от души.

«А чего я удивляюсь? Не одни ведь только бизнес-волки мир населяют...»

– Роман, вы мне верите, что я не обижаюсь? Это очень важно.

– Важно для кого? Для чего? Для вашей акции?

– Для вас самого.

– Для меня?

Он не ожидал такого поворота (*«Она шутит?»*) и даже растерялся, догадываясь, что она всё-таки его узнала.

– Да, для вас самого, – повторила она. – Говоря вам сейчас о том, что не обижаюсь, я имею в виду не только вчерашний день.

Его сердце вздрогнуло, ибо догадка...

– Я не обижаюсь за... ваш поступок на банкете. Больше девяти лет назад. Помните?

Его молчание было не долгим. Он набрался мужества посмотреть в её бесконечно сияющие глаза и сказал:

– Так значит, вы... Ты... Вы та самая Алина, которая...

– Которая так и не взяла у вас интервью.

Снова молчание... И её многоговорящая улыбка.

– Вам тяжело об этом вспоминать?

Молчание.

– Роман, поймите! Я вовсе не хочу ворошить старое. Я забочусь о вашем будущем.

Он недоверчиво усмехнулся и выдал из себя:

– А разве у такого уroda, как я, есть будущее?

– Вы урод?.. Что за мерзкое слово?.. Внешне вы были и остаётесь очень даже симпатичным мужчиной. А вот для души важнее всего будущее. У вас, как и у любого другого человека на Земле, всегда есть настоящее. Настоящее, в зависимости от которого складывается будущее.

«Надо же, комплименты мне делает и проповеди читает», – усмехнулся он снова, но сдержал свой пыл и сказал:

– Настоящее – дверь в будущее. Где-то я об этом уже слышал... Легко говорить.

– Да, говорить легко. Делать – всегда сложнее. Но ведь в преодолении сложностей – развитие человека. Каждый месяц, а иногда и каждую неделю, мы, работая для тех, кто попал в беду, имеем счастье наблюдать, как из, казалось бы, безнадежно больного на свет заново рождается человек, воспринимающий себя полноценным. Давайте же, Роман, приложим вместе необходимые усилия, и вы тоже будете в их числе!

«Поздравляю вас, Алина Алексеевна! Визитная карточка вашего Центра получилась эффектной» – хотел было ответить Роман.

Но сдержался и спросил:

– Неужели вы, будучи директором Центра, готовы сами возиться с каким-то там Романом Сивцовым?

Она улыбнулась ещё мягче, пристальнее посмотрела ему в глаза и ответила:

– Готова. И с большой радостью. Как директор я не обязана это делать. Но, увидев имя и фамилию Роман Сивцов в списках подопечных, я нашла необходимые сведения о вас и решила лично ухаживать за моим старым знакомым.

– Почему? Объясни мне, почему? Мне, прошедшему сквозь огонь и воду равнодушия, жестокости и лицемерия; мне, ставшему причиной бед многих людей, не понятна эта бескорыстная логика, эта чуть ли не материнская забота обо мне.

– Да, мир жесток. Но не настолько, чтобы ему не было противовеса – мира Любви. Считайте, мы – я и сотрудники нашего Центра – явились к вам сюда из этого параллельного мира Любви. А преграды между двумя мирами снимает сейчас и даже эта наша беседа. Понимаешь?

– Пытаюсь...

Так, не заметно для самих себя, они перешли на «ты».

Ему захотелось узнать хоть что-то о её жизни (*«Интересно, а она замужем? Есть ли у неё дети?...»*) Она, действительно, казалась ему существом из кого-то иного мира, живущего по другим законам.

«И я тогда, на банкете, посягнул на эти законы, – снова заработал в его сознании самоанализ. – Вот ведь как нелепо получается: сейчас она единственное светлое существо в моей жизни и в то же время – единственная женщина, по отношению к которой я раньше осознанно проявил жестокость, насилие»

Светлое существо – эта фраза была для его восприятия ещё непривычной, загадочной.

– Сейчас, Роман, я должна объяснить тебе... То есть вам...

– Алина, давай уже и дальше на «ты».

– Давай... Давай расскажу, в чём будет состоять моя помощь.

Она подошла ближе, присела перед ним, взяла его руку в свою и продолжила:

– Цель нашей акции – не заменить на какое-то время санитарок, медсестёр, а помочь вам укрепиться морально, духовно, а значит, и физически. Если мы и врачуем тело больного, то только через его душу. Поэтому мы с тобой будем много общаться, будем мыслить только позитивно и даже поверим в исцеление и настроимся на него. Согласен?

– Попробуем, – усмехнулся Роман, поразмыслив:

«Обычно подобное говорят наивные люди. Или очень мудрые... А главное – мне хочется ей верить»

– Ну, тогда поехали! Начнём с прогулки на свежем воздухе.

Погода в начале мая после затяжной зимы была великолепной. Приближение лета ощущалось в каждом дуновении ветерка, в каждом дереве, цветущем под лучами солнца.

– Алина, – обратился Роман, когда они стали делать первый круг вокруг здания – Интересно, а почему ты из журналистки превратилась в... Как это правильно сказать? В реабилитолога что ли?

– Да, вопрос действительно интересный. Даже для меня самой – до сих пор. В общем, произошло стечение двух обстоятельств. Первое – я увлеклась психологией, для журналиста это только плюс. Второе – готовила цикл публикаций об инвалидах, да так прониклась этой темой, что через год пошла учиться на психолога-реабилитолога... Так, постепенно пришла к идеи создания Центра – не государственного, а частного. Это редкость для нашей страны.

Ну, а опыт журналистский мне пригождается и тут. В этом месяце выйдет в свет первый номер журнала «Второе рождение», который учредил наш Центр.

Роман слушал эту историю, словно книгу читал увлекательную. А когда они стали делать следующий круг, он признался:

– Мне не даёт покоя один вопрос: почему ты всё-таки решила лично ухаживать за мной?

– А я тебе расскажу одну притчу. Однажды охотники ранили ястреба, парившего невысоко над землёй...

Он слушал её и поражался: *«Оказывается, и среди женщин есть такие эрудированные, такие мудрые, такие... Которые не зациклены на тряпках и мужиках...»*

– Могучая птица летела из последних сил, удаляясь от злополучного места, но вскоре обессилила, – продолжала она. – Падая, ястреб сбил чайку, взлетающую ввысь, И уже две птицы падали на землю. Ястреб – сверху, чайка – под ним.

Роман невольно поднял взор к небу, слушая с нарастающей внимательностью.

– Всё происходило с молниеносной быстротой, но изворотливая чайка уже вырвалась из-под могучего тела ястреба, как вдруг заметила, что он падает на острые сучья деревьев. И тут же ринулась назад – под ястреба, чтобы уберечь его от гибели. Обе птицы упали на сучья, которые под их весом треснули, не причинив никому смертельной опасности.

Сделав паузу, Алина добавила:

– В тот вечер почти десятилетней давности я не ринулась к тебе на спасение. И вот сейчас пытаюсь исправить ту ошибку.

После этих слов, столь неожиданных, в сердце Романа защемило, и он, словно прозревший, взглянул на мир другими глазами. Взглянул обновлённым взглядом и на Алину, обернувшись в её сторону.

«Откуда в ней такая мудрость? Такая прозрачность что-ли?.. Ах, да, она ведь из мира Любви...»

Это преображение длилось ещё несколько мгновений прежде, чем он смог что-то сказать:

– Я... Алина, я не успел извиниться за тот вечер на банкете. Извини меня! Моя ошибка несравнима с твоей... И притча помогла мне это понять... Вся моя жизнь до сих пор – одна огромнейшая ошибка.

– Не так страшна сама ошибка, как её повторение, – ответила она, останавливая коляску.

Алина села на скамейку, и они смогли смотреть друг другу в глаза. В этих зеркалах можно было прочесть всё, что трудно выразить словами... Это остатки его отчаяния, которое на краю пропасти уступило место вере – навстречу протянутой руке. Это и его очарование ею – всепрощающе-всемогущей, святящейся изнутри и снаружи женщиной – трижды прекрасной и уже не такой нереальной. Это и её неутомимая вера в просветление, очищение и восхождение каждой человеческой души, способной хоть к малому сопротивлению злу. Это и её материнская забота о ближнем, несвойственная женщинам её возраста и статуса. Это и их общая маленькая тайна – ростки Добра и Доверия на почве, очищенной от обломков прошлого...

Роману захотелось прижаться к Алине, как к матери, которой у него не стало ещё в детстве. Но он не решился это сделать. Лишь дотронулся её руки...

«Она, как ангел, сошедший с Небес... Пусть бы эти мгновения никогда не кончались!»

«В его глазах уже не сквозит отчаяние. Открывается место для света...»

Оставшаяся часть дня пролетела очень быстро. Алина научила Романа упражняться по системе самореабилитации, разработанной в её Центре, рассказала ему ещё несколько мудрых притч, ответила на его вопросы о своей жизни за эти годы, о смысле жизни, о Боге, помогла ему по быту.

Так и день закончился. Они пожелали друг другу спокойного сна (хоть ей ещё предстоял до дома немалый путь) и расстались, чтобы завтра встретиться вновь.

Роман долго не мог уснуть. Его мысли были наполнены эпизодами уходящего дня – насыщенного и такого доброго, самого светлого дня в его жизни после аварии. И до аварии – тоже. И в каждом из этих эпизодов светился образ Алины. Она буквально стояла у него перед глазами...

День третий. Взаимость

А на утро он почувствовал, как ему её не хватает. Какими пустыми кажутся без Алины минуты, часы. И даже порой собственные мысли. Если бы у неё была семья – муж, дети – он бы не посмел на что-то надеяться. А так...

«Так неужели это любовь? Та самая, настоящая? Та, о которой так много говорится вокруг...»

Та, в которую он ещё ни разу не поверил. Да и теперь он приготовился сопротивляться этому инородному для себя чувству. Этим, словно чужим, мыслям о любви, о смысле жизни...

Но сдался... Умылся. Побрился. Снова посопровивлялся. И... сдался.

Сдался буквально за полчаса до встречи с ней.

Как быть ему дальше? Он думал об этом, слушая её чарующий голос, глядя в её заботливые глаза, наблюдая за её движениями... Признаться Алине в непривычных для самого себя чувствах Роман не решался.

«Зачем её жизнь обременять собой – инвалидом? Что я смогу дать ей кроме бесконечных забот о себе?... Даже как мужчина не смогу стать для неё идеалом... Меня она сильно привлекает как женщина, но... Но иной раз я воспринимаю её как неземное существо. Так зачем навязыванием себя подрезать ей крылья?.. Ого! Я стал выражаться, как поэт...»

Он снова и снова думал о том, что сегодня последний – третий – день акции. И Алина уйдёт.

«Уйдёт? Уйдёт из моей жизни... Уйдёт навсегда? Если не скажу ей о своих чувствах сегодня, то завтра, может быть, будет уже поздно?»

А она, видя его подавленность и обращённые к ней вопросительные глаза, думала о том, что сегодня, в последний день акции, их общение не должно прерваться. Ведь она тут с ним не просто по долгу службы милосердной. Она тут по воле Божьей – особой, так сказать, сверх плана. Бог её направил, ибо никто кроме неё не сможет помочь Роману.

«Смогла ли я ему помочь максимально? А дальше? Что будет дальше? Если моя помощь прекратится сегодня, то завтра, может, будет уже поздно?..»

И теперь уже Роман мог наблюдать её скованность-задумчивость, заметную время от времени...

Время пролетело ещё быстрее, чем вчера. Когда они закончили смотреть на планшете Алины фильм по самореабилитации, надо было расставаться.

– Пора! – сказала Алина, убрывая в сумку планшет. – Я оставлю тебе несколько наших брошюр. А заберу их... В конце этой недели. Хорошо?

Роман еле заметно кивнул головой.

«У него ведь никого не осталось из родственников. Жена его бросила, и уже с ним развелась, – вспоминала Алина факты из его личного дела. – Будет ли достойный результат этой трёхдневной работы, если я его оставлю. Даже до конца недели?..»

– Как быстро пролетели эти три дня, – сказал он, не поднимая на неё глаз, словно себе самому.

– Да. Быстро, – согласилась Алина, чувствуя, как к её глазам подступают слёзы.

Лучезарно-сияющую улыбку на её лице, казалось, укрыла большая туча. А ещё у Алины возник неприятный осадок от мысли: *«Роман всё-таки склонен думать, что я провела с ним эти дни ради акции... А ведь до общения с ним, ещё позавчера, я была настроена только на три дня».*

И словно в подтверждение этому он спросил:

– А если бы акция длилась неделю, две недели, месяц, что было бы дальше?

Роман не мог сдержать своих эмоций и задал этот, как он считал, глупый вопрос, с долей вины, словно напавший ребёнок, ждущий прощения.

Прежде, чем ответить, она сделала паузу... А когда на её губах стала проявляться улыбка и выражение лица сделалось просветлённое, мудрее, глубже, она ещё глубже, чем раньше, заглянула в тайники его души, доступные пока только ей одной. И ответила:

– А дальше... Дальше, Роман, мы будем вместе каждый день. Будем добиваться того, чтобы ты встал с инвалидного кресла.

После этих слов, его сердце встрепенулась, как окрылённая птица, а на глазах появились слёзы. И всё-таки он не смог поверить услышанному и попросил повторить ещё раз.

Она повторила. И приблизившись к Роману вплотную, обняла его. Её щека касалась его волос. А он в это время рыдал...

Он рыдал и благодарил Бога. Благодарил судьбу – за урок, за прощение, за Алину. Но... Но всё-таки нашёл в себе силы, чтобы сказать:

– Спасибо тебе, Алинушка! Огромное спасибо! Только не надо таких жертв ради меня. Я должен как-то сам выживать. Сам... Акция закончилась.

– Нет, Роман не закончилась. И не начиналась! – твердо ответила она, не сдерживая слёз. – Для нас с тобой не было никакой акции. Повторю: у нас с тобой впереди большая, счастливая жизнь – без инвалидного кресла. А для этого надо работать. Очень много работать. Работать вместе. Каждый день. Понимаешь?..

Через семь месяцев Роман сделал свой ПЕРВЫЙ шаг. А ещё через полгода он мог ходить с помощью трости. И вскоре после этого сделал Алине предложение выйти за него замуж. Она с радостью дала согласие.

Роман и Алина начали работать вместе – в том же Центре реабилитации. У них родились сын и дочь. Они стали той редчайшей семьёй, в каждодневной жизни которой не возникают ссоры, обиды, упрёки даже по мелочам. Для всего этого груза просто не находится места.

История вторая. Верочка Рассказ

Марта Паша **ВЕРА** Евгения

Катя Алина Антон Влад Янина

АНДРЕЙ Виктория Жанна Виктор

Никита Галина Святослав

Сергей **Игорь** **ОЛЬГА** Юлия

Вера Орлова сделала почти невозможное. Она успела за дешёвые деньги приобрести приличную квартиру. Выносив на своих, может быть, не очень хрупких, но очень женских плечах груз долевого строительства, она приступила к следующему этапу – к отделке.

Иначе говоря, теперь ей предстояло организовать весь этот процесс. И если сначала дела шли достаточно гладко, то как-то вдруг всё застопорилось. Шкаф-купе, сделанный под заказ, оказался бракованным в трёх местах, от декоративной стены в прихожей стали отваливаться кирпичики, а изготовление кухни задерживалось уже на два с лишним месяца.

Как же она, весьма деловая особа, заместитель директора одного из крупнейших рекламных агентств Минска (и это в свои-то тридцать лет!) могла допустить такое?..

Но тут стоит отметить, что Вера Орлова была личностью очень даже неординарной. И неординарность эта проявлялась прежде всего, как это не высоко будет сказано, в её мировоззрении. Это только внешне она казалась обычной красивой девушкой с кокетливыми манерами. А в глубине её душевной царила истинно христианская сущность.

И вот как-то раз эта сущность проявилась чудеснейшим образом. Причём в нелёгком процессе затянувшегося обустройства кухни. Как говорится, от хлеба насущного – к хлебу духовному.

В общем, на фирме, где Вера Орлова заказала кухню, случились те самые форс-мажорные обстоятельства, на которые не всегда обращает должное внимание в договоре какая-нибудь из сторон. О причинах, по которым директор фирмы Игорь Николаевич уволил большинство своих работников (или они его покинули?), Вера знать не могла и не хотела. Она, оказавшись жертвой этого кораблекрушения, стремилась выбраться из-под его обломков.

Видимо, из-под обломков старался выбраться и сам капитан корабля, оттягивая сроки выполнения заказов магической фразой:

– Завтра – точно!

Любая другая деловая – и даже вполне обычная – дама уже давно прислушалась бы к мнению лучшей подруги («Я бы сразу поставила на место такого директора! Истребовала бы свои деньги и распрощалась с таким сервисом») и к её совету («Не тяни kota за хвост, а то без денег останешься»).

Но Вера Орлова рассуждала иначе, по-христиански:

– У человека сложная ситуация. Зачем её усугублять своим отказом от его услуг?

Так, проявляя любовь к ближнему, Вера подставляла вторую щеку. К тому же дожидаться выполнения заказа, как подсказывала железная логика, было делом более простым, чем истребовать деньги через призывы к совести директора и уж тем более через суд.

Однако вскоре, снова чувствуя, с одной стороны, возросший дискомфорт от бесконечного «Завтра – точно!», а с другой стороны, давление со стороны главных спонсоров всего этого строительства-обустройства (то есть от своих родственников, живущих в деревне), Вера Орлова твёрдо решила: *«Больше надеяться и верить не могу. Попробую вернуть деньги!»*

А сумма была приличная – почти три тысячи долларов.

И вот в один из вечеров Игорь Николаевич явился, чуть ли не с повинной к своей самой долготерпеливой клиентке по имени Верочка – так он называл в глубине своей загадочной души нашу Веру Орлову. А причиной сего визита стал её телефонный звонок, донесший до его сознания вовсе не благую весть:

– Я больше ждать не могу! Давайте решать вопрос о возврате денег.

«Эх, знала бы она, – думал директор, приближаясь к её дому, – как это супертяжко работать чуть ли не одному за всех: за дизайнера, за технолога и даже местами за монтажника».

Он не знал, какими будут его дела завтра, но знал точно, что сегодня беседа с этой необычной клиенткой предстоит очень сложная.

Именно так и получилось. Но только первое время, когда она категорически настаивала на возврате денег. И нужен был какой-то новый, веский аргумент. И он нашёлся в кладовой убеждений Игоря Николаевича.

– Верочка! Можно я буду вас так называть?

Она пожала плечами, мол, не знаю. А он продолжил:

– Дайте мне последний шанс довести наш договор до конца! И если я через неделю не выполню это обещание, тогда беспрекословно верну вам деньги. Согласны?

После этих слов ледяной взгляд на её лице стал оттаивать.

– Поверьте, я очень хочу, чтобы вы остались мной довольны! И своей кухней, соответственно, тоже.

Он даже был готов встать перед ней на колени.

Ну, как тут не поверить?! Как тут не оттаять?..

Через пять минут они уже сидели на ещё не существующей кухне и пили чай. А сердце Веры трепетало от облегчения: *«Как приятно верить человеку! И знать, что не причиняешь ему вреда!!!»*

Он смотрел в её счастливые глаза и ещё больше поражался такой (!) женщине.

«Я думал, таких уже не бывает...»

– Игорь Николаевич, вы так быстро чай выпили. Может, вы хотите ещё чего-нибудь? Мне так хочется вас угостить!

– Ну, если вам это в радость...

«Благодать снизошла!» – оценивала она своё состояние.

«Чуждачество творится!» – удивлялся он её заботливости.

В общем, «разборки» превратились в перемирие, перемирие – в чаепитие, а чаепитие – в праздничный ужин. Стол был наполнен яствами, а беседа – доверительным, тёплым общением. Верочка и Игорь успели уже рассказать друг другу некоторые эпизоды из своих судеб. И он, обогретый этой искренностью после рассказа о холодных отношениях со своей женой, предложил:

– Верочка, а давайте с вами общаться и вне наших деловых планов! Вы такой чуткий собеседник!

Она только улыбнулась в ответ, а он продолжил:

– Я был бы счастлив с вами встречаться, ходить в кино, театры.

– А как же ваша жена? Она будет ревновать. Попробуйте с ней наладить отношения.

После этих слов пыл его поубавился.

Общение и трапеза продолжались. А под занавес этого вечера Верочка не оставила его с пустыми руками (дала с собой сало, деревенское, которое ему очень понравилось) и с пустыми надеждами на новые горизонты сотрудничества (договорились, что она закажет постепенно у него на фирме и остальную мебель).

Удовлетворённый всем, правда, кроме смутных надежд на личное счастье с чудо-Верочкой, Игорь Николаевич покинул её дом.

Она спала эту ночь спокойно, без малейших переживаний. Сон её был глубок, как у младенца. А душа – бездонна. Она кружилась и пела среди белоснежных лебедей, парящих над золотыми куполами...

На утро Вера Орлова, пусть не так дивно, как вчера, но ещё ощущала в себе кружение благодати.

Благодать!.. Её лучики ещё слегка касались новизны впечатлений, когда через два дня – слава Богу (!!!) – начали устанавливать кухню.

Сей долгожданный процесс протекал в отсутствии хозяйки. Она была на работе, а монтажникам заранее передала ключи от квартиры. Верочка не могла работать спокойно. Час от часу она представляла, как придёт домой, и душа её возрадуется...

Время стало тянуться как-то медленнее, а дел по работе накапливалось всё больше и больше. Когда часы добрались до отметки 17.00, Верочка выпорхнула из агентства. Метро, автобус. И... вот, наконец, настала та минута, когда можно увидеть содеянное и...

Разочароваться...

Наступившая ночь стала чуть ли ни самой беспокойной за последние годы. Поэтому не хочется вдаваться в детали переживаний женщины, чья многократно выстраданная кухня ещё до своего рождения стала появляться на свет в нежеланных, незапроектированных формах и цветах.

В общем, истерика у Веры Орловой продолжалась два дня – все выходные. Даже в церковь она не ходила. А кухня, не ставшая алтарём новосёла, воспринималась Верой как самое нелюбимое место в квартире.

И исповедалась она в этом только в понедельник своей коллеге-подруге, когда пришла на работу. Но о переживаниях Веры узнал немного раньше ещё один человек – тот самый, который стал их главной причиной и кого она оценивала-переоценивала в мыслях:

«Он слово сдержал, но как-то наполовину... Какой же он невнимательный к моему заказу. Во всем чувствуется поспешность-погрешность. Такая спешка к добру не приводит».

Да это был он, Игорь Николаевич.

Директор увидел Верочку утром того же дня на пешеходном переходе. Оба ждали сигнал светофора. Он – в машине, ехал в свой офис. А она – на подходе к метро, направлялась на работу. Выражение её лица было настолько задумчиво-грустным, что Игорь больше почувствовал сквозь небольшое расстояние между ними, чем заметил воочию, как Верочка сильно расстроена. А причина?.. Кухня...

«Да, видимо, всё-таки ребята напортачили там. А я не успел проконтролировать»

Игорь Николаевич не решился окликнуть Верочку или даже просто помахать ей рукой (она-то его не заметила). Но по приезду в офис отыскал проект её кухни...

А вот что произошло потом, стало полной неожиданностью для Веры Орловой. Через три дня, как по велению волшебной палочки, у неё на кухне стала демонтироваться-перерождаться не просто кухня по проекту, а раза в три лучше и, соответственно, дороже. Словом, шикарнее!

И напрасно она пыталась дозвониться Игорю Николаевичу, чтобы выразить своё удивление и узнать, откуда ТАКОЕ и КАК быть дальше. Вскоре она узнала совсем о другом: фирма закрыта, а сам директор уехал. Куда – неизвестно.

Проявив упорство, подключив все свои коммуникативные навыки и деловые связи, Вера Орлова быстро выяснила детали: фирма закрыта по причине банкротства, а директор с большим трудом расплатился с долгами и... уехал. А куда – это так и осталось загадкой.

Так что же произошло с Игорем Николаевичем?

Свершилось почти невозможное. Один на тысячу случаев. Случай самоочищения. Или же, говоря иначе, исцеление любовью. Причём любовью бескорыстной. И завертелся этот механизм в душе Игоря в тот самый миг, когда он увидел на пешеходном переходе печальное лицо Верочки. И всколыхнулось в директоре что-то такое... где-то там, на глубине... как-то долго спящее...

И мысли, которые иногда – всё реже и реже – освещали лабиринты его души, ожили и поднялись выше. Ближе к сознанию. И он уже их не откинул в дальний ящик. Он их УСЛЫШАЛ! И потянулся за ними всем своим противоречивым существом... И была ему, ох, как нелегка такая перемена в себе. Но, падая, он быстро вставал и учился ходить по этой новой дороге, которая открылась перед ним...

Но не свершилось бы всё это преобразование так эффективно-быстро, если бы накануне той встречи на перекрёстке наш директор не попал бы в аварию на своём авто. Повредилась машина ненамного – вмятинка плюс царапинка на крыле, – а вот сознание Игоря встрепенулось от шока, подобно птице однокрылой, подстреленной кем-то вдруг. И воспринял он эту аварию необычным для себя самого образом: как предупреждение. Предупреждение о том, что в его жизни что-то идёт ОЧЕНЬ даже не так, как надо.

Откуда в нём (не в философе или верующем человеке, а в коммерсанте с подвешенным языком и не всегда чистой совестью) такое необыкновенное восприятие обыкновенного происшествия? Откуда?.. В состоянии шокотерапии Игорь вспомнил, как когда-то читал на эту тему предупреждений-символов что-то в какой-то газете, случайно попавшей в руки. И он смог, пусть всего лишь на пару мгновений, увидеть-ощутить своё будущее – нелицеприятное...

Итак, вернёмся в тот самый день и час, когда Игорь Николаевич увидел Верочку на пешеходном переходе и прибыл в свой офис.

«Всё, баста! Надо срочно что-то менять», – сказал он себе, отложив в сторону проект кухни Веры Орловой. И тут же вспомнил её печальный взгляд...

Самоанализ был быстрым и действенным. Игорь осознал, что он уже не в состоянии поправить самое насущное – и дела фирмы, и дела семейные.

«Что же делать?»

Он снова вспомнил печальный взгляд Верочки... И тогда пришло решение. Кардинальное.

«Изменить ситуацию я смогу только с этой кухней! А Верочке — отплатить добром за её добро. Да и сало деревенское надо отработать...»

Так, очень быстро, без накладок, кухня Веры Орловой получила второе рождение. В новом проекте, который уже почти экс-директор подготовил сам, он проявил все свои дизайнерские способности и обогатил, в прямом смысле этого слова, весь кухонный гарнитур. И цвет подобрал именно такой, какой рисовало воображение Верочки. А дальше – дело техники. Дал последнее распоряжение рабочим изготовить и установить кухню в максимально быстрые сроки, обязуясь заплатить им сразу же по степени готовности – по высшему разряду. А затем...

Затем начал с нуля новую жизнь, обрывая связи со старой. Закрыв убыточную фирму, рассчитался с вечно недовольными работниками, продал покорёженную машину, ушёл от нелюбимой жены. Уехал в деревню к матери, а позже – на заработки...

Они встретились через два с половиной года. И, как ни странно, всё на том же самом перекрёстке. Оба ждали сигнал светофора. Только теперь уже Вера Орлова была на своём автомобиле. А он стоял у пешеходного перехода. Она заметила его, вышла из машины, подождала, пока он перейдёт дорогу и подошла к нему. Заговорила первой. Она удивилась тому, как Игорь Николаевич изменился. Даже засомневалась, он ли это.

– Как я рада, что это вы! Куда вы пропали?

– А я вовсе и не пропал. Я был в поиске. В поиске себя самого, – широкой щедрой улыбкой ответил он. – И нашёл, слава Богу!

– Я очень за вас рада! И рада, что встретила вас! И могу теперь сказать то, что не давало мне покоя всё это время. Мне было так неловко от мысли, что вы могли разориться из-за такой роскошной кухни, которую для меня... Зачем надо было идти на такие жертвы? Я причинила вам страдания?

– О, нет, Верочка! Я не страдал, а наоборот, ушёл от страданий. Я работал физически и духовно, много думал, многое переоценил – словно заново родился... И вы, сами того не зная, оказались для меня в этом помощником. Это правда.

– А вы, сами того не зная, стали самым благородным мужчиной в моей жизни! Это правда.

– Спасибо вам за эти слова, Верочка! Спасибо!

Поражённые услышанным, он и она застыли на месте, глядя – нет, вчитываясь (!) – другу в глаза...

С этого момента они больше никогда не расставались.

История третья. Нирвана Новелла

Святослав Марта Владлен

Люся Алла Матвей Стас Ольга

АНДРЕЙ Николай Виктория **СЕРГЕЙ**

Тамара Александр Галина

.....**НИРВАНА**.....

Утро выдалось пасмурным. Но самая неудобная непогода была у меня на душе. Всё-таки я ещё не защищён от таких состояний, когда все несовершенства человеческой природы собираются в общий ком и сметают в сторону прежние успехи, радости, надежды, соединённые тонкими нитями чистоты и силы душевной. Значит, снова ослаб. И духовно, и физически.

Вчерашняя головная боль ещё не смела свои следы с моей обессилившей плоти. И выходной день начался с лазарета домашнего.

Нет. Стоп! Давай-ка, Святослав, без депрессивных эпитетов.

Так я предупредил самого себя и стал настраиваться на позитивные волны.

Удалось. Опыт в этом уже наработан.

Но быть в течение всего дня, каждое мгновение на таких высотах – в нирване – у меня ещё ни разу не получалось. Что-то быстро начинало занижать, отвлекать, затемнять... Да и не всегда помнится о том, что надо держать высоту. Зато часто зависаешь на уровне «не радость – не беда», воспринимаешь ход событий дня серо, вяло – совсем без ярких эмоций. И вдруг начинаешь реагировать на какую-то мелочь раздражительно... У меня доходило даже до скандала с Томой. Или с Костей. Особенно вечером, после работы. А после очередного срыва на ссору-обиду-скандал и ругаешь себя, и упрекаешь. Хоть сквозь землю провалились... В общем, картина называется «Ту-144 после крушения».

А теперь, плюс ко всему плохому, я остался один. Не выдержала Томка моих противоречий. Точнее, когда появился у неё друг, в союзе с которым она наконец-то смогла бы быть лидером, моя многолетняя гражданская жена решила от меня уйти быстро – без шума и пыли, как говорил известный киногерой. Разумеется, взяла с собой детей – Костю и Вику – и гуд бай, ошибка молодости.

Дай Бог, чтобы со вторым... Нет, уже с третьим «женихом» у неё был лад да слад. Кстати, я ей желаю этого вполне искренно. Выходит, я не в обиде на неё. И это радует.

Вот примерно также радуешься, когда работа, которая выполнялась тяжело и долго, вдруг приносит хорошие результаты. А ведь то самое, пока недостижимое мною надолго состояние счастья-нирваны невозможно без наличия в жизни человека трёх китов: любимого дела, близких людей и сокровенных знаний, помогающих всё это и себя самого скреплять, ценить и развивать.

Насчёт близких людей – уже пробел. Я остался один. Есть, правда, надежда, что Вика, наша общая дочь с Тамарой, меня не забудет, не выбросит из души своё «Папа, я тебя люблю!».

И друзей-то у меня, можно сказать, уже нет. Лучший из них в поисках счастья укатил жить в Германию.

Ну, а как у меня с любимым делом?..

С этим вопросом я вышел на свежий воздух, мгновенно ощутив новый прилив бодрости в мыслях. Итак, любимое дело... Я нереализовавшийся педагог. В лихих 90-х успел поработать эксклюзивным специалистом: мужчиной-педагогом начальных классов. Вселял в детские умы и сердца светлое-доброе-вечное наряду с программным материалом. Но постепенно маленькая зарплата, чисто женский коллектив, реалии школьной системы и тяга к переменам метнули меня в Центр внешкольной работы, где я четыре года «отсидел» методистом. Реализовал с десяток проектов, и в раз десять больше – бумажной работы. Пробовал по совместительству вести кружок по грамотной речи и письму, затем – по журналистике. Но не потянул этот груз. В общем, отвык работать с детским коллективом. И снова жажда перемен (больше всё-таки вокруг себя, чем в собственном мировосприятии) метнула меня на долгожданную высокооплачиваемую работу: стал корреспондентом, а позже – редактором интернет-издания «СтройМир». Постигал, описывал и корректировал премудрости строительства, а мир собственной души так и оставался в недостроенном виде. В итоге, эта работа уже несколько лет не приносит мне морального удовлетворения. А материальное... Оно, действительно, оказалось не главным.

В общем, с любимым делом тоже нелады.

Пошёл дождь. Ветер усилился. Но домой возвращаться не хотелось. Садится за руль машины – тоже. Я решил, пусть лучше меня повезёт кто-то другой. Ну, например, водитель городского автобуса. Пусть везёт, куда его глаза глядят. А глядеть-то они, конечно, будут строго по маршруту. Но ведь маршруты городского транспорта для меня неизвестны, я уже лет пятнадцать езжу на своём авто. Значит, поездка на первом попавшемся автобусе или троллейбусе будет для меня маленьким сюрпризом.

Первым подъехал троллейбус номер 13. Я решил, что это – хорошее число, оно – моё. Сел у окна и поехал. Стал оценивать третьего кита – сокровенные знания.

Говорят, знание – сила. Попробуй-ка с этим не согласишься. Особенно, когда понимаешь, что знания – это даже оружие. Оружие светлых сил. Плюс самый безопасно-полезный арсенал в войне добра и зла за каждую человеческую душу. Так гласят разные духовные источники. Сколько же их я перечитал за свои сорок лет? Двадцать, тридцать, пятьдесят?.. От Библии до Агни-йоги. От Чаши Грааля до Трансерфинга реальности. Что-то не прижилось, что-то так и не осозналось, кое-что зацепило лишь на некоторое время. Вот и всё...

Мне не хватало целеустремленности, системного подхода в складировании духовных знаний... Ой, нет. Что за оборот? Не для того духовный опыт, пусть даже теоретический, что бы его складировать. Его надо осознать и заселять в свой образ жизни. А вот я частенько складировал. И забывал. И удалялся... Пробовал и сам что-то писать-философствовать. А когда на третьем курсе педуниверса изучал историю религий, вдохновился даже на то, чтобы новую, мировую, религию создать. О, как круто!.. Вдохновения хватило, слава Богу, только на два дня. В общем-то, кроме десятка двух стихосотворений, залежавшихся по сей день в письменном столе, я ничего так и не написал для потомков нашей цивилизации.

Да и разнокалиберная духовная информация, промывавшая мне периодически мозги, похоже, так и не закрепилась в моём сознании в виде реальных знаний. Хотя... Скорее всего, я просто-прочно завис на своём духовном уровне послевузовского периода. Вот такой зависон, словно сон. Вот такие ценности на бегу, и намного уж б/у.

Ух, ты! Даже в рифму заговорил от удовольствия, что наконец-то смог себя самокритикой повоспитывать. Не такое уж это мрачноватое дело – самокопание, – если технологию безопасности соблюдать: на себя не злиться, а с собой мириться...

На душе после дождя запели птицы. Троллейбус вёз меня по главным улицам-проспектам моего родного Могилёва. Город удивлял неожиданно раскрывшейся для моего взора красотой своей конъюнктуры-архитектуры. И люди в салоне троллейбуса и на улицах стали казаться мне дружелюбными друг к другу и просто счастливыми...

Надо же, как бывает! Ещё минут десять назад я выносил себе суровый приговор, а теперь ощущаю, себя арестантом, которого освободили досрочно и отправили в самое лучшее место на земле.

На этой светлой, чистой ноте троллейбус привёз меня на конечную. И вот очередной сюрприз! Здесь же, в двух шагах, на улице Липовая Аллея стоит и здравствует та самая школа, которую я закончил. Родная моя! Сейчас я тебя увижу! Это я, твой Славик. Уже не такой липовый, как ещё час назад, а более настоящий. Оживающий, прозревающий, воскресающий!

На этом радостном порыве я подлетел к ограждению моей старушки-школы. И в тот самый миг вдруг...

Вдруг произошло нечто абсолютно непредвиденное, невысказанное. На меня наехала машина. Невесть откуда взявшийся микроавтобус выскочил на тротуар и пригвоздил меня к ограждению моей школы...

Ну, чем не парадокс?! Человек, словно заново родившись, созревает для новой жизни, а тут на него такой наезд...

Физическая боль была более чем сногшибательной, но длилась, наверное, менее минуты. И улетучилась куда-то.

Улетучилась. А я провалился в пустоту. Затем меня стало засасывать в какую-то невидимую воронку над головой. И вдруг эта круговерть закончилась. Я даже смог встать. Но... как только встал, будто в другом городе оказался. Вокруг стояли дома, росли деревья, шагали люди, ехали автомобили – всё было обычным и одновременно другим. Более ярким, более динамичным.

У меня будто выросли крылья. Я шёл и не чувствовал ног. Я летел?.. По крайней мере, ощущение полёта не покидало меня. Сердце моё пело – всё выше, всё тоньше! Я удивлялся, как ребёнок, всему, что видел. А всё, что я видел, было живым и тут же становилось частью меня самого.

Меня поразила моя школа. Вместо старенького двухэтажного здания я видел изящное многоэтажное строение – дворец, напоминающий восточный храм. А ноги (или крылья?) несли меня дальше. Меня преследовало ощущение, что там, впереди, – что-то очень важное. Просто **ОЧЕНЬ** важное! И чем ближе к этой цели, тем радостнее, счастливее становлюсь я сам. Я и мир вокруг меня.

Вокруг меня – мир. Да ещё какой! Какая тут может быть смерть?! Да здесь такая (!!!) жизнь. Только успевай за ней!

Дома, деревья, дороги, улицы... Всё менялось (двигалось со мной) очень быстро. Всё было наполнено неопишуемой гаммой светлых красок! Всё пело вокруг меня! И я мог – это стало для меня реальным (!) – в каждое из проходящих-уходящих мгновений быть счастливым. Быть в нирване!..

Я шёл вперёд – к необыкновенно важной цели. Скорость движения росла. Мелькали прохожие, жилые кварталы, площади, парки. А нирвана не исчезала. Она двигалась вместе со мной. Она была моим навигатором. Моя Нирвана!..

И как только я подумал об этом состоянии как о живом существе, на моём пути появилась... Женщина. Богиня!

Она стояла, улыбалась, будто ждала меня всё это время... Стоп! Так не она ли была целью моего движения?

Всего за одно мгновение своего взгляда она наполнила всё моё существо ещё более радостно-светлыми ощущениями (сколько же у них уровней?!), чем те, которые несли меня на крыльях до встречи с ней. Я ликовал! Ликовал!! Ликовал!!!

Я, наверное, светился всеми цветами радуги.

За что мне такое блаженство?!

Может, я попал в рай?..

А она, словно отвечая на все мои вопросы, обвела рукой пространство вокруг себя, поворачивая голову то влево, то вправо.

Я увидел дом, в котором живу. А за домом, за детской площадкой и деревьями, окружающими её, раскинулось озеро. Вокруг него гуляли пары влюблённых. С детьми и без детей. С цветами и без цветов. Но все – совершенно счастливые, любящие друг друга. Я это знал. Я это чувствовал!.. Но почему (???) я никогда раньше не видел этого райского уголка буквально у себя под носом...

Я вопросительно посмотрел на Нирвану. Да, я уже знал, что эту женщину-богиню зовут именно так. Я не получил ответа на свой вопрос, но оказался под чарующим действием её взгляда, её улыбки.

И вот мы уже держим за руки друг друга, будто знаем один одного всю жизнь. Знаем и любим.

Любовь! Именно это чувство-слово закружило над нами белокрылой птицей. И эта птица-любовь была такой многокрылой, такой возвышенной, такой воздушной!..

Моя Нирвана! Её бездонные глаза! Её безграничная доброта!..

Моё бездонное Счастье! Моя безграничная вера в собственные силы!..

Импульс этих сил предавал мне уверенности даже тогда, когда я по знаку Нирваны обернулся назад и увидел дорогу, мерцающую в дымке тумана (почему он вдруг появился?) и... обрывающуюся.

– Эта дорога моя?

– Твоя! – ответила мне Нирвана.

– ???

– Тебе надо вернуться!

– ??

– Теперь ты сможешь больше!

– ?

– Теперь ты сильнее!..

Это были последние слова, которые я услышал от Нирваны...

И вдруг – темнота. Полосы темноты. Движение тёмно-серых волн... Опять ощущение воронки. Но её купол был уже направлен вниз. И теперь меня не всасывало в неё, а наоборот – высасывало. Высасывало. Выталкивало...

– Он приходит в сознание!

– Пульс стабилизируется.

– Дыхание в норме?

– В норме!

– Зрачки реагируют на свет.

– Будет жить!..

Эти слова звучали надо мною, лежащим где-то...

Где же я? Где?..

Позже врач сказал, что сознание в полной мере вернулось ко мне только на третьи сутки. А раньше, когда я был рядом с Нирваной, разве я был без сознания?.. Нет. Я был даже абсолютно счастлив. И осознавал это.

Теперь, перед выпиской из больницы я знаю, что же именно со мной произошло после того, как я попал под колёса микроавтобуса. Я знаю гораздо больше врачей. Я знаю самое главное.

Да, я был там, где продолжается жизнь после смерти. Жизнь счастливого человека. И я вернулся оттуда. Вернулся, чтобы научиться быть счастливым здесь. Здесь и сейчас. Каждое мгновение.

Кстати, меня же ждут недоухоженные мною три кита.

А моя Нирвана... Она теперь со мною навсегда. Я это точно знаю.

История четвёртая. Сестра Марина Повесть

Тамара Саша *Галина* Стас

Валерий *Илья* **Марина** Светлана

Марта Леонид Владислав

Таня Алла Матвей Олег *Ольга*

Ирина Иван **Михаил** Софья

Ближе к полудню в один из жарких летних дней из ворот Свято-Елисаветинского монастыря вышла молодая женщина, облачённая в монашескую одежду, с рюкзаком за плечами. Она села на автобус по направлению в центр Минска. Доехав до центра, пересела на метро. И вскоре уже была на вокзале.

Сестра Марина, так звали послушницу, села напротив билетных касс, высматривая кого-то. Дети нередко показывали пальцем на необычно одетую тётю. А она посылая им в ответ тёплые ласковые улыбки.

Так Марина просидела около получаса, прежде чем увидела того, кого ждала. То был пожилой мужчина интеллигентного вида. Они купили билеты на поезд и через часов шесть были в городе Гродно.

– Ну, Маринушка, располагайтесь тут, – сказал её спутник, когда они вошли в один из домиков в частном секторе. – Дом в вашем полном распоряжении. А мне пора...

Она проснулась утром ни свет, ни заря. Облачилась в своё любимое одеяние – в белый апостольник – и взялась за хлопоты по дому. Когда полы и окна были вымыты, а на плите доваривалась каша, Марина присела, дабы дух перевести. И тут же в её мыслях пробежала цепочка событий последних дней.

По монастырю прошла весть, что необходимо кого-нибудь из сестёр отправить в один из православных приходов Гродненской епархии для помощи в открытии мастерской.

А мастерская та должна была специализироваться на изготовлении текстильной церковной утвари: от алтарных облачений до ковров. Поэтому требовался самый опытный консультант. Да и о текущей жизни Свято-Елисаветинской обители надо будет суметь не один раз поведать. И если говорить о первом, то сестра Марина была одной из лучших мастериц-рукодельниц. Ну, и второе дело было бы ей вполне под силу.

Но не стремилась бы Марина стать посланницей своего монастыря, если бы не было у неё одной тайны – помыслов о семейном счастье, ставших сокровенными, но и противоречивыми, ибо они неразрывны с жизнью мирской.

Как же она, Невеста Христова, давшая обет девства, основанный на безбрачной жизни, могла домечтаться до такого? Марина, сама себе каждый день задавала подобный вопрос. И ответ на него уразумела постепенно. В монастырь она ведь попала не по своей воле сознательной. Её, сиротку, в лет семь отраду, из московского детдома забрала в Минск двоюрод-

ная тётя, состоявшая на службе при воскресной школе. А когда через три года тётя отошла в мир иной, добрые люди быстро определили Мариночку в подмастерья Свято-Елисаветинского монастыря, дабы дитя сызнова в детдом не попало.

Среди тех, кто опекал девочку в дальнейшем, был отец Илья, протоирей этого монастыря, который со временем стал для послушницы Марины её духовником. И, по сути, заменил ей отца родного.

Вот и стал он первым и единственным человеком, кому она поведала о своих тайных, греховных помыслах.

– Грех говоришь?.. А грехи ведь тоже, как и люди, бывают разными. С точки зрения монастырского устава твои желания грешны. Ну, а если говорить о твоём индивидуальном развитии, то тут, похоже, потребность в социальном опыте даёт о себе знать. А без него-то и для жития монашеского не созреешь.

– Выходит, не созрела я. Прости, Господи!

Марина перекрестилась, утерла слезу и спросила:

– Батюшка, я так понимаю, что, если бы я была обычной, мирской женщиной, то в этих моих побуждениях не было бы ничего плохого.

Он помахал головой в знак согласия.

– Но я ведь не такая. Я послушница. Я вроде, как и не женщина, – продолжала она задумчиво, – Вернее, душа на службе Божьей становится бесполой.

В её глазах сосредоточилась вся противоречивость, тяжесть текущих переживаний. Видя это, отец Илья поспешил уточнить, расставить сосуды истин по своим местам.

– Не совсем так. Любая душа – бесполое создание. Просто дорога развития одного человека проходит через монашество, и таких меньшинство, а другого — через мирское счастье. Главное, жить с Богом и в помыслах, и в сердце. Коль говоришь, что ты даже во снах переживала разные ситуации из семейной жизни, то твоя душа нуждается в этом опыте. Ты его не дополучила. К монастырскому житию присоединилась в несознательном возрасте. А послушницей стала, хоть и по своей воле, но тебе-то ведь дорога в монашество уже была заказана другими людьми. Вот какой у тебя случай особый.

– Я тоже это стала понимать, батюшка. И порой думаю о том, что лучше бы случилось наоборот, по-обычному: после опыта мирской жизни пришла в монастырь, как на новую ступень своего развития.

– Как было бы лучше каждому из нас, одному Богу известно. А то что имеем, того и достойны.

После этих слов на душе у Марины оттаяло, потеплело. Полностью доверившись священнику, задумчиво и стыдливо отвела глаза в сторону и призналась:

– Даже и не знаю, как сказать, батюшка... У меня, вроде бы, как это говорят в миру, и избранник на примете уже есть. Месяц назад, когда по вашему благословию была на крестинах дочери сестры, вижу, на мониторе компьютера открыта страничка форума. Катя, сестра, говорит мне: *«Тут один мужчина ищет ответ на очень важный для себя вопрос духовного содержания. И никто ему почему-то не отвечает. И у меня не получается. Так, может, ты ответить сумеешь?»* Дай, думаю, действительно, помогу человеку. Взяла и ответила. А через минут пять он пишет – благодарит за такой хороший ответ, за внимание. Дня через три сестра мне сообщает, что мужчина этот пишет каждый день и уже встретиться предлагает со мной.

– Вот, значит, какой поворот событий. А на какой же вопрос этот мужчина искал ответ на форуме?

– Он спрашивал, что означает Любовь – та, которая пишется только с большой буквы и неподвластна бремени земному.

– Ох, какой поистине глобальный вопрос его интересовал. Молодец! Не ожидал, признаюсь. Теперь понятно, почему это привлекло твоё внимание. Похвально! И что же ты ему ответила?

– Такая Любовь есть Бог. Она несёт в себе Высшую благодать. Она во сто крат сильнее всех несчастий на свете. Да и всё, что основано не на такой Любви, может быть только временным, несовершенным в жизни человека.

Отец Илья одобрительно улыбнулся.

– Превосходно! Да тебе в срок уже проповеди читать. Считай, ты сдала экзамен на духовную зрелость.

Она махнула рукой и возразила:

– Да, что вы, батюшка. Тут ведь отголоски ваших изречений проскальзывают. И получилось у меня как-то уж слишком высокопарно, попроще сказать хотелось для незнакомого человека.

– Ну, и слава Богу, что именно так получилось! Истина, если она не ложная, должна держаться на своей высоте, дабы жаждущие знаний, могли до неё дотянуться. Да так дотянуться, чтобы уже не падать вниз.

– Ой, как бы мне самой-то вниз не упасть.

– Так ведь это только от самой тебя и зависит. Упасть можно и на ровном месте. И, наоборот, по самому извилистому склону пройти с лёгкостью и без страха.

– Так что же мне делать-то теперь?

– Ты, насколько я понял, ещё не дала ему согласие на встречу?

– Да, батюшка, не дала.

– А родом он откуда, известно?

– Из Гродно он. Через три дня освобождается из мест лишения свободы.

Возникла пауза, прежде чем отец Илья подвёл итог беседе.

– Неисповедимы пути Господни, дочь моя! Коль уж идёт этот мужчина к тебе навстречу, слушай своё сердце, проси ежедневно, ежечасно помощи свыше и иди вперёд. Пока с человеком не встретишься, не пообщаешься вживую, его сути не узнаешь. И не бойся свернуть с дороги монашеской, если твоё сердце смотрит в другую сторону. Может, та, другая, сторона кругом обернётся и приведёт тебя, созревшую, в нашу обитель монастырскую... Но в любом случае, коль не обретёшь гармонию, счастье в своём предназначении земном и духовном, то и людям от тебя помощи истинной не будет.

И вновь возникла пауза. И помогла она Марине осмыслить слова эти.

Священник подошёл к иконе Пресвятой Богородицы, висящей напротив, перекрестился и продолжил, видя нерешительность своей подопечной:

– Ну, а то, что представился случай кого-то из наших сестёр в Гродно отправить, считай это хорошим знаком, помощью свыше. Я походатайствую перед настоятельницей, что бы отправили туда именно тебя.

В знак благодарности она припала к его рукам и поцеловала их...

И вот теперь она тут, в том самом доме, который выделил приход для временного пристанища представителя монастыря. И в эти минуты Марина больше думала об отце Илье, чем о Михаиле – так звали того мужчину с форума. Её поразили мудрость, отсутствие догматизма в рассуждениях священника. Такой человек ради истины готов рисковать своей репутацией.

Вернувшись с прихода, Марина стала обдумывать тактику общения с Михаилом. Он уже получил по интернету (сестра помогла в этом) её ответ – согласие на встречу. И день встречи был оговорен, и он уже приблизился: завтра, в час дня. А место – у фонтана на Советской площади.

Марина понимала, что с одной стороны, чисто мирской, ситуация выглядит нелепо: послушница готовится к свиданию с первым встречным из интернета, к тому же ещё, как говорят, в народе, с зеком. Но с другой, православной, духовно-нравственной стороны, она просто протягивает руку помощи нуждающемуся. И человек этот не пустой, и уж тем более не пропащий, судя по его вопросу о Любви и по ответу на её вопрос: *«Для чего необходима ему встреча с ней?»*

Марина в очередной раз оживила в памяти слова Михаила:

«Для чего? Чувствую, что очень надо, а выразить словами трудно. Но попробую... Нужна поддержка человека из окружения, противоположного тому, которое было у меня до тюрьмы. Пусть это будет пока даже всего один человек, но светлый, добрый, искренний. И вы, Марина, именно такой. Вернее, такая. Я уверен в этом...»

О себе она решила говорить минимум, а о своей принадлежности к монастырю – пока ни слова. Как она себя не упрекала, но не могла настроиться на стопроцентное доверие к Михаилу. Не могла не исключать мошенничества с его стороны. Откуда, например, в условиях тюрьмы доступ к интернету, общение на форуме? Да и само по себе знакомство по интернету было для неё, словно полёт на Луну – неожиданно-чуждым событием.

Вечером она ещё немного поработала в приходе – провела своего рода мастер-класс по рукоделию. Затем побродила по городу и узнала у прохожих, как добраться до того места – фонтан на Советской площади, – где завтра должна состояться встреча с Михаилом.

И вот завтра сменилось на сегодня. Проснувшись, Марина усиленно помолилась за благополучный исход встречи. День был субботний, поэтому в приходе нужно было работать только до полудня.

Время шло быстро. Но с каждым часом волнение нарастало.

Получилось освободиться уже в половине двенадцатого. Приход находился в двух-трёх минутах ходьбы от дома, и у Марины было время в запасе. Она успевала зайти домой, перекусить, переодеться и не спеша отправиться на место встречи. Упрощало задачу то, что ей доводилось уже быть в Гродно два раза (тоже по монастырской службе) и она хорошо ориентировалась в некоторых районах города.

Марина чувствовала себя как-то неуютно даже в лёгком летнем платье, которое в последний раз надевала лет пять назад. За это время то ли она выросла, то ли платье село после стирки, но оно оказалось выше колен, и это смущало Марину. Да и туфельки эти на каблучках – хоть и невысоких – так неудобны, несуразны (и её душе, и её телу всё-таки так дороги монастырские одеяния). Бедные женщины, стоит ли всех стараний и жертв та красота, которая пусть и искусно, но всё же искусственно создана?..

Эти мысли и нарастающее волнение вывели Марину из равновесия. Боже, кто б мог подумать-поверить даже меньше недели назад, что она в таком виде будет спешить на свидание с мужчиной, буквально на днях освободившимся из колонии, да и с которым познакомилась по интернету. Словно бес попутал... И если бы не благословение отца Ильи, то ни за что на свете не согласилась бы на этот шаг. Текла-текла её жизнь монастырская, как ровная, тихая речушка. И вдруг на тебе такой водопад крутой...

Вот уже и мужчины и на остановке, и в транспорте посматривают на неё оценивающе. И взгляды эти ей так чужды, словно в диком лесу оказалась.

А тут ещё, вспомнив, что хотела голову платком укрыть, обнаружила отсутствие платка в своей сумочке. Только эта сумочка, где лежала иконка Девы Марии, только крестик на шее, окропленный святой водой, да образ отца Ильи охлаждали пыл негодования, а сердце – согревали.

Когда она подошла к тому самому фонтану на Советской площади, и сердце от волнения готово было вырваться из груди, Марина подумала о том, что вряд ли будет ей по силе

вся эта ноша мирская, что потребность в семейном счастье становится какой-то надуманной, нереальной.

А когда увидела мужчину, схожего по приметам с Михаилом, – высокого роста, коротко стриженный и в чёрных очках, – да ещё с наколками на мускулистых руках, да ещё жующего жвачку, плюс громко беседующего по телефону, не стесняясь бранных слов своих, то... Была готова хоть сквозь землю провалиться. И это стало кульминацией всему.

Она даже глаза закрыла и глубоко вздохнула, словно воздуха стало меньше вокруг. Она начала молиться архангелу Михаилу и ангелам защиты. Но что-то мешало собрать воедино расшатывающуюся волю. Она открыла глаза и...

И, к счастью, увидела, что здоровяк-громкоговоритель уходит в обнимку с девушкой. Слава Богу, что это не Михаил! Так, где же он? Уже пять минут второго. Неужели не придёт?..

Марина внимательнее оглянулась по сторонам и увидела стоящего неподолёку мужчину высокого роста, коротко стриженного. Он тоже был в чёрных очках. С виду интеллигентный, худощавый – полная противоположность здоровяку в наколках. А главное, не очень-то похож на человека с зоны. Он смотрел вперёд, перед собой, и взгляд его был какой-то особый: будто и не смотрит вовсе, а созерцает что-то в себе самом – собственную душу.

И тогда Марина предположила, что он слепой. Но самым интересным оказалось вот что: когда она его увидела, так стало ей легко на душе, так спокойно, словно и не было ещё минуту назад всех этих переживаний.

Так Михаил это или нет? Вокруг не было больше мужчин с такими же приметам. Видя, что он, не смотрит по сторонам, как обычно делают зрячие люди, особенно ожидая кого-то, она уже не сомневалась, что этот человек слепой.

Про свою слепоту он ничего не сообщил. Почему?.. И Марина быстро нашла вполне логичный ответ на этот вопрос. Та женщина, которая не умеет жертвовать и быть милосердной, которая не может любить безвозмездно, просто не подойдёт к такому – слепому. Не подойдет... Какой простой и гениальный способ узнать, кто есть кто!

Марина уверенным шагом подошла к мужчине.

– День добрый! Извините, вы Михаил?

Он повернул голову в её сторону. Сперва смутился, затем улыбнулся и произнёс:

– Да, я Михаил. А вы Марина?

– Марина.

– Какой у вас прекрасный голос!

– Спасибо! У вас голос тоже очень приятный!

Возникла пауза, позволившая каждому из них собраться с мыслями.

– А вот лицо ваше, Марина, я не могу увидеть. Я много чего не могу в жизни из-за... моей слепоты. И если я вас в этом разочаровал, то мы можем расстаться. Прямо сейчас.

Вместо ответа она взяла его под руку и спросила, будто эти слова он сказал кому-то другому:

– Михаил, куда вы хотите, чтобы мы сейчас пошли?

– Тоже самое я хотел спросить и у вас... А давайте, поближе к Нёману...

Через три дня миссия Марины в приходе закончилась, и она вернулась в свой монастырь. Она была в хорошем расположении духа, и это сразу отметил отец Илья, принявший её в свои объятия.

– Ну, вижу, оправдались твои надежды.

– И да, и нет, батюшка. Всё оказалось так непредсказуемо. Я словно другую жизнь прожила за эти дни. Так много хочется вам рассказать. Да надо в мастерские идти.

– Иди, иди спокойно. Побеседуем после обеда.

Но после обеда настоятельница монастыря позвала к себе сестру Марину – рассказать о работе в Гродно. Выслушав скромный отчёт, она похвалила послушницу за богоугодные деяния по развитию общецерковного дома.

И только к вечеру Марина смогла «отчитаться» перед батюшкой.

– Мужчина этот оказался очень порядочным, с пытливым умом. И поступок его был мудрым в том, что не сообщил при переписке о своей слепоте. Я ведь тоже действовала подобным образом, не признавшись ему, что являюсь послушницей, живу в монастыре.

Отец Илья слушал не перебивая, не задавая вопросы, возникающие по ходу рассказа. Мол, пусть сперва выскажется, всему своё время.

– Мой это человек. Надёжный, – подумала я, как только его увидела. Так оно и оказалось. Легко было мне с ним. Общались мы два дня. Гуляли, в основном, на природе, на набережной Нёмана. О себе рассказывал охотно и много. В тюрьму-то он попал из-за того, что подставили его. Нет на душе Михаила греха преступления. Младший брат – Толик – его всю жизнь подставляет, сам того не понимая. В юные годы из-за шалостей Толика зрение потерял, будучи на первом курсе Московского гуманитарного института. Поддержки со стороны не было, поэтому доучиться не смог, вернулся домой, в деревню под Гродно. Но духом не пал. Освоил шрифт для слепых, окончил курсы по массажу. А когда стали широко использоваться озвученные компьютерные программы, освоил и их. Вскоре смог закончить ещё и бухгалтерские курсы. Тут случай представился хороший – выделили Михаилу как инвалиду и его матери-пенсионерке социальную квартиру в Гродно, однокомнатную. Обрадовались! В областной центр переехали... Вот так и жил он с мамой своей. Тоже пенсию получал (по инвалидности), да приработки разные имел по услугам массажиста и бухгалтера. Даже ещё брату, который в деревенском доме жить остался, мог помогать финансово.

А вскоре брат оплатил добром: устроил Михаила бухгалтером в совместную польско-белорусскую фирму, директором которой был приятель Толика. Да и сам Толик с этой фирмой дела заимел. В Польшу часто навещаться стал. Ну, а Михаил с мамой своей, конечно же, снова возрадовались. Появилась теперь у него работа постоянная. Да ещё на дому. Деньги хорошие получать стал. Но... через полтора года директор вместе с Толиком и ещё одним типом попали под следствие. Деятельность фирмы, которая к тому времени широко развернулась в Гродно и в городах некоторых польских, была приостановлена, а в финансовых нарушениях стали обвинять Михаила. Мол, слепой бухгалтер, не досмотрел. Да и доказательства разные откуда-то взялись... Суд признал Михаила виновным, а все остальные отделались условными сроками.

Срок ему вышел три года. Учитывая, что инвалид, слепой, сократили до двух с половиной лет. Первый месяц в тюрьме от отчаяния любая работа из рук валилась. Затем смирился с тем, что есть. Всю свою жизнь переосмыслил. Улыбаться стал, как прежде. И уже вскоре был на хорошем счету, работал отлично. Даже смог спасти от несчастного случая двух заключённых. Это сильно подняло авторитет Михаила – в том числе в глазах начальства. В итоге, сократили ему срок ещё на полгода.

А тут ещё один случай произошёл. Как-то раз пожелал-нагадал Михаил в сокровенной беседе двум своим сотоварищам по колонии, которым подошёл срок освобождения, как именно судьба у них сложится дальнейшая. И вот через два месяца приходит в колонию письмо от одного из них. *«А ведь слепой наш, Мишика, предсказал судьбу мою на свободе, – пишет он. – Встретил я женищину, порядочную, одинокую, с двумя детьми. А вскоре и на прежней работе меня восстановили...»* И вот через неделю пишет второй: *«Братцы! Напророчил наш слепой, что богатство мне чуть ли не на голову свалится. Так и получилось – выиграл я в „Спортлото“ квартиру однокомнатную...»*

Ну, как же тут было народу тюремному не всполошиться и не разнести молву, что, дескать, ясновидящий у нас появился. Мол, слепой – значит, Богом меченный и так далее... Тут к нему и стали обращаться за помощью в виде предсказаний. Даже со свободы страждущий люд готов был к стенам колонии прибыть... Как довелось начальство про такое «паломничество», так и пресекло эти «гадания на кофейной гуще». Но авторитет Михаила из-за этого ничуть не пострадал. Ещё больше вырос.

А если по правде, то Михаил вовсе-то и не ясновидящий. Он просто помог сотоварищам своими искренними пожеланиями на хорошее настроиться. А говоря о богатстве, которое свалиться – только не на голову, он говорил, оно свалиться, а с Небес, – имел в виду благо не материальное, а духовное... Вот так Михаилу чуть ли не пророком стать довелось в восприятии обыденном, простонародном.

– Это ты верно подметила, – похвалил её священник. – И рассказываешь увлекательно. И слогом таким, будто повесть из книги читаешь. Молодец, дочка! Радуюсь за тебя! И что же потом происходило с Михаилом?

– Потом, батюшка, ему, слепому (!), единственному такому арестанту за всю историю этой колонии, доверили работу в архиве: с сортировкой документации тюремной. Слепой ведь лишнего не увидит – не разболтает. А на ощупь каждую бумажку, каждую папку в нужное место определит не хуже зрячего. Такой вот парадокс житейский, батюшка...

Вот и пришло время и Михаилу покинуть стены тюремные. Домой вернулся утром того дня, когда наша встреча состоялась. Оказалось, что в его однокомнатной квартире Толик обосновался. Да не один, а со своей женой гражданской. А мать в деревню спровадил. Даже брата на порог не пустил. Даже стал подозревать, что он сбежал из колонии. Не поверил в досрочное освобождение. Вот и получилось, что Михаил одну ночь переночевал в том самом доме, где я остановилась. А на утро мы в милицию пошли, представили документы об освобождении, рассказали, в чём проблема, и следующую ночь он уже ночевал в своей квартире.

И так мы с ним в тот вечер разговорились, что я у него до самого утра и засиделась... Утром Толик пришёл, меня увидел, стал упрекать, что это я их рассорила и претендую на эту квартиру, а его брат, инвалид, мне вовсе и не интересен. Михаил за меня заступился, из квартиры его вытолкал. А тот сгоряча пообещал его, зека, с этой квартиры выставить на законных основаниях. Мол, *«государство выделило, государство и отберёт...»*

Марина сделала паузу.

– Спаси, Господи, души рабов твоих грешных! И наставь их на путь истинный! Ибо не ведают, что творят, – помолился отец Илья и перекрестился.

Он налил ей чаю и заметил:

– Вот, Маринушка, каким бывает ад на Земле.

– Да, батюшка. Поняла я, что в жизни мирской тьма и свет так многообразно, так часто пересекаются, что сетями для души неопытной становятся.

– Так не передумала ли ты в эту самую жизнь влиться?

Марина вздохнула и, прислушавшись к зову своего сердца, ответила:

– Не передумала. Хотя, признаюсь, такое решение мне с большим трудом далось. Чувствую, что надо пройти мне путь этот. Понимаю, что и Михаилу, и его старенькой матери, которую он из деревни к себе забрать хочет, я нужна. Невозможно человеку, особенно, такому как Миша, без опоры – без женской заботы жить. Он человек очень эрудированный, бескорыстный, а главное —духовно-ищущий, и испытания житейские его только укрепили в этом. Когда призналась ему, что послушницей при монастыре являюсь, он обрадовался. Мол, вот откуда во мне такая доброта безграничная и кротость. Даже позавидовал по-хорошему. Ибо, будучи в тюрьме, мечтал остатки дней своих земных в жизни монастырской провести. Но прежде надо ему в миру себя полностью реализовать. Попытаться зрение хоть частично вернуть. Писатель-

ством заняться желает. Ещё в тюрьме начал, используя шрифт для слепых, повесть писать, где многие сюжеты будут автобиографичными. Он мне читал кое-что – великолепно пишет. Талантливо!

В общем, решили, что вместе нам будет сподручнее в миру. Но перед тем, как мы к этому обоюдному решению пришли, сказал мне Мишенька: *«Возвращайся в монастырь, Марина. Не хочу быть помехой на твоём пути в служении Божьём».*

А я ему отвечаю: *«Я в монастырь-то попала больше по стечению обстоятельств, чем по сознательному выбору. Мол, чувствую потребность в опыте жизни мирской, поэтому никуда от тебя не уйду. Будем вместе крест этот нести. Любые проблемы решать. И от брата твоего помогать тебе защищаться, видимо, ещё не раз придётся. Матери твоей хорошую старость обеспечим. Работать будем – ты в писательстве реализуйся, я помощником тебе буду в том, чтобы книги твои издавались, да к людям в руки попадали. Дай Бог, сможешь этим трудом и на жизнь зарабатывать. Я в монастыре разные виды рукоделия освоила, могу не только мастерить, но и обучать этому. Не пропадём! Да и довольствоваться мы привыкли в жизни самым малым. Главное, детям, коль Бог даст нам их, условия хорошие обеспечить. И воспитать их людьми праведными...»*

Марина глубоко вздохнула, задумчиво глядя в окно. Отец Илья подошёл к ней, многозначительно улыбнулся и, перекрестив её, молвил:

– Благословляю тебя, раба Божья Марина, на путь новый!

На третий день после благословления батюшки Марина Савельева покинула обитель и уехала к Мишеньке в Гродно...

Через три года была издана первая книга Михаила Сурмицкого.

За это время много полезного сделать успели. Вступили в законный брак, повенчались. Мать Михаила забрали из деревни в город. Вскоре предложили Марине возглавить мастерскую, которую она помогала с нуля создавать. Некоторое время молодой паре пришлось пожить в том самом доме при приходе, чтобы у мытаря-Толика, ставшего бездомным по своей очередной глупости (сгорел дом в деревне, в котором он жить остался), крыша над головой была. Помаялся братец немного, да и решил в Москву на заработки податься. Там его, грешного, Бог и «прописал». А Михаилу и Марине дал ребёночка.

Когда Коленьке пять лет было, Марину с семьёй в Минск пригласили в её духовную вотчину – в Свято-Елисаветинский монастырь, который к этому времени расширил свои мастерские. В столице и обосновались. При монастыре Марина преподавать стала, а Михаил – книги свои новые издавать. Дал им Бог доченьку, а ещё двоих детей усыновили.

Так и живут в мире и согласии, в труде, да в любви неиссякаемой. Так и живут...

История пятая. Две Галины Повесть

Елена Саша *Марина* **Сергей**

Мария **Макс** Виолетта **ИНГА**

Валерий **Галина** *Илья* *Светлана*

Ирина *Иван* *Софья* **Витольд**

Оля *Анна* Макар Олег *Ксения*

И пока горит свеча, мерцанье
это жить и верить помогает...

Они вышли из подъезда дома, в котором находится их новая квартира. Для них – бабушки и внучки – это была первая совместная прогулка после эпопеи, называемой таким простым словом «переезд».

– А сегодня последний день лета, – с грустью в глазах объявила Галочка. – Завтра начнётся учебный год. Так быстро каникулы пробежали.

Галина Андреевна оступилась, сходя со ступенек. Внучка спохватилась, подала ей руку.

– А мне из-за нашего переезда лето показалось слишком долгим, – заметила бабушка.

– Да? – удивилась внучка. – Странно. Для тебя время идёт медленнее? Вот мне бы так летом! А в учебном году, наоборот, пусть бы мчалось, как высокоскоростной интернет.

Галина-старшая рассмеялась и ответила.

– В этом мы с тобой разные. Я бы сказала: пусть бы время мчалось, как ракета! А ты выражаешься более современным языком. Говоря о начале учебного года, я пусть с опаской, но предвкушала бы радость от встречи с новым: новая школа, новый класс, новые знакомства.

– И выпускные экзамены в конце года. Так не хочу этого.

– Видишь, до них ещё так далеко, а ты уже печалишься... Но я в твои годы была такой же. Всё же у нас с тобой больше схожего, чем разного.

Они оглянулись по сторонам. Двор ещё не был обустроен. Даже лавочек возле подъездов не было. Рядом с первым подъездом соседи выгружали мебель. Дом-новострой обживался.

– Пойдём к дому, который ближе к остановке автобуса. Там лавочку найдём, – предложила бабушка и повторила свою мысль о том, что в них обеих много общего.

– И это связывает нас.

– У нас с тобой много общего? Не может быть, бабуля. Ты что-то путаешь.

– Между нами только два существенных отличия. Первое – возраст. А второе – следствие из первого. И это – разное восприятие жизни.

– Да?... Так ведь это, наверное, самое-самое главное. Не могут бабушка и внучка быть во многом похожими. Мы даже с мамой очень-очень разные – во всём.

Они подошли до ближайшей лавочки, сели. Было видно, что Галине-старшей нелегко даются движения. Ноги быстро устают, отдышка появляется. Зато Галочка порхать готова. И настроиться на медленный темп бабушки никак не может. И хочет куда-нибудь улизнуть от скучных бабушкиных нравоучений.

– Разница между нами, Галюня, всего-то пятьдесят лет. Это по сравнению с вечностью – мгновенье. А как жизнь вокруг изменилась...

– А что такое вечность? Неужели она существует?

– Ну, если я скажу, что существует, тебе этого будет недостаточно. Вечность, как и любовь, наверное, проще прочувствовать, чем понять умом. Да и вообще только одним умом невозможно объять необъятное.

Интереснее, необычно стала говорить бабуля. Внучка даже рот открыла, задумавшись над услышанным.

– Вот гляжу я на тебя, теперешнюю, и вспоминаю себя в юности. Видно, генов у нас с тобой общих больше, чем у тебя с мамой. Наследственность! Плюс близость душ... Ну, а чтобы ты поняла, что именно я имею в виду, расскажу тебе историю моей жизни. Нет, скажем так – историю моей любви. Готова слушать?

– Готова! Ещё как готова! Истории любви – это супер!

Галина Андреевна улыбнулась, погладила внучку по голове.

– Ну, тогда слушай, дитя моё взрослеющее. Мне лет шестнадцать было, вот как тебе сейчас, когда за мной стал ухаживать мой первый кавалер.

– А это был твой одноклассник?

– Нет, это был студент. Но ты меня не перебивай. Обо всём узнаешь, только слушай терпеливо. Хорошо?

– Хорошо, бабуля! Окей!

– Итак, был он меня старше на года три. Удалец, молодец, красавец! Как звезда экрана. Подружки мне завидовали. Но недолгой была наша дружба-любовь. Оказалось, что не со мной одной Паша встречался. Это я только позже поняла, что парень просто в поиске был. Надо было бы лучше разобраться в его натуре. Ну, а я взяла и от ревности поругалась с ним. И даже мстительность во мне взялась откуда-то. Стала флиртовать с другим – назло Паше. В ту пору только и был у меня один советчик – папа мой. Мама умерла, когда я была в пятом классе. Но не все советы отца я тогда могла воспринимать всерьёз. А вскоре и от такой поддержки я отдалилась, когда по окончании школы перебралась из нашего провинциального городка в столицу – к бабушке по маминной линии. Давно ведь мечтала жить тут, в Минске.

Так началась новая – минская – глава моей повести жизни. Правда, началась с неприятности: в техникум лёгкой промышленности, где учиться дальше решила, не поступила с первого раза – по легкомыслию своему. Была уверена, что туда мне, отличнице провинциальной, дорога заказана. Вот и пришлось после этого провала работать целый год: то помощницей повара, то швей-ученицей. К счастью, благодаря последней работе смогла поступить на швейное дело в тот самый техникум.

Учились у нас в группе одни девочки, да и во всём техникуме парней было – единицы. И каждый – на вес золота. Я в ту пору о парнях и вовсе-то не думала, учёбой занималась вплотную (провал при поступлении стал для меня уроком на всю жизнь), бабушке по хозяйству много помогала. И вдруг меня подруга знакомит со своим двоюродным братом. Получилось это как-то даже случайно, на её дне рождения. А он, Денис, оказался очень влюбчивым, ранимым. Да ещё и инвалид. Одна нога у него была на протезе.

Стал он ухаживать за мной. Я сперва ни «да», ни «нет». Мол, зачем мне такой. А потом призадумалась: как-то я не правильно размышляю. Любить человека надо бескорыстно, безусловно (так папа учил), дорожить вниманием того, кому нравишься. А не то так одна и остаться можешь. В общем, перестроилась я... И ведь во многом верно мыслить стала. Только одно упустила, самое главное: своего, именно своего, человека найти необходимо. Ведь если судьба сведёт с другим, то счастлива не будешь.

А что это значит, СВОЙ человек, очень хорошо показано в кинофильме «Москва слезам не верит». Помнишь, мы смотрели его перед переездом, ещё на старой квартире?

– Помню. Ты ещё сказала, что дочка главной героини напоминает тебе Настю – мою одноклассницу.

– Очень напоминает – и характером, и внешностью... Жаль, этого фильма не было ещё на экранах в ту пору моих первых романтических встреч... Ну, в общем, стал Денис моим мужем, с которым мы... расстались уже через год с небольшим после свадьбы.

– Ух, ты!.. Как в сериале!

– Даже та радость, что сыночек – твой будущий дядя – у нас родился здоровеньким, не перенял папино заболевание, не удержала вместе наши неродственные души. Лишь гораздо позже я поняла, что Денис женился на мне больше для самоутверждения, чем по любви. Спасибо его родителям и ему самому, что не бросили меня с ребёнком в море житейском, помогали и одеждой, и деньгами. Семья-то его была очень даже обеспеченной по тем меркам. Отец в министерстве иностранных дел работал, мать – на киностудии. Но я даже это про них не знала до своего замужества. Денис до нашей свадьбы специально скрывал от меня свою принадлежность к элите...

Галина Андреевна глубоко вздохнула, сделав паузу. Галочка задумчиво смотрела то в даль, то на бабушку, душа которой только сейчас открывалась для неё полнее, глубже. Открывалась, как книга, которая лежала где-то рядом, и только сейчас, при прочтении стала обретать особый смысл.

Они встали со скамейки, чтобы пройти.

– Ну, а что же было дальше с тобой? Как ты родила мою маму? – не выдержала паузы внучка.

– И об этом узнаешь. Но прежде хочу рассказать тебе ещё кое-что из своего личного опыта. Вам в школе рассказывали что-нибудь о вреде алкоголя?

– Ну... – призадумалась Галочка над неожиданным вопросом. – Да. Было что-то такое. В классе восьмом даже фильм показывали.

– И что же ты поняла из всего этого? Почему алкоголь вреден?

– Организм человека разрушает.

– А если в малых дозах? Например, выпили по бокалу шампанского в честь дня рождения. Культурную традицию соблюли.

– Ну, тогда не так вредно.

– Вот и я так думала. Не знала, насколько вредна даже малая доза для женского организма. А в случае с Денисом на всю жизнь это запомнила.

– Да? Расскажи-ка.

– Когда я узнала, что беременна – а получилось ребёночка зачать как-то неожиданно, и это нехорошо, конечно, – в общем, попыталась выудить какую-нибудь информацию об инвалидности мужа, о болезни его ноги. Есть ли в этом наследственный фактор? И как не трудно было мне выискывать истину в атмосфере умалчивания-тайнственности их семьи, но удалось узнать самое главное. Оказалось, что именно малая, так называемая культурная доза – всего-то полбакала шампанского, выпитая мамой Дениса на дне рождения мужа за дня три до зачатия сына, – сделала его, Дениса, инвалидом с рождения. Я тогда заинтересовалась влиянием алкоголя на женский организм, стала искать информацию на эту тему. Но в то, советское, время возможностей для подобного рода самопросвещения было катастрофически мало. Ни интернета, ни большого выбора специализированных изданий. Даже доступа к исследованиям советских учёных, уже не говоря о зарубежных, не было.

Кстати, благодаря этим преградам в поиске информации я смогла воспитать в себе упорство и терпение. Ну, и сообразительность в придачу. Меня, наверное, можно было уже в разведку посылать на благо родины.

Две Галины рассмеялись и старшая продолжила:

– Вот и пронюхала я, что этиловый спирт, который присутствует даже в капле алкоголя – даже в пиве, – это яд. Только яд более медленного действия, чем, например, мышьяк. Алкоголь становится наркотиком для человека. И, кроме того, что разрушает и печень, и клетки головного мозга, и кровеносные сосуды, так ещё токсические вещества, вызванные его воздействием, остаются навсегда в яйцеклетках, ведь они у женщин не обновляются.

– Да?.. Ничего себе! – присвистнула Галя, по-мальчишески, от удивления. – Теперь понятно, почему Денис таким родился... Так если теперь вся эта информация о вреде алкоголя доступна, почему людям его продают? Почему они его покупают?

– О, святая наивность! Тут, Галочка, много причин. Как бы тебе попроще ответить?.. Таков уровень сознания большинства людей. Традиции, привычки, примеры со стороны – всё это часто действует на нас сильнее, чем здравый смысл, чем знание, чем истина. А продажа алкоголя, как, впрочем, и табачных изделий, – это ещё и бизнес такой. Люди добровольно себя убивают. Только постепенно. Разве для этого их матери рожали?

В этот момент, словно иллюстрация к сказанному, они увидели компанию молодых людей с бутылками пива в руках...

Две Галины шли молча. Младшая упрекнула себя за то, что по незнанию своему месяц назад выпила бокал шампанского на дне рождения подруги.

– Ну, а потом, после Дениса, – продолжила свои воспоминания бабушка, – мне долгое время не хотелось ни с кем из мужчин знакомиться. К тому же надо было готовиться к поступлению в институт – по профилю специальности, полученной в техникуме. Да и работу на дом стала брать: заказы по швейному делу. Жизнь постепенно вошла в привычную колею. Игорёк, сыночек, рос, радовал меня.

И вдруг как-то тоскливо на душе становилось. Сперва редко, затем чаще. Поняла я, что это одиночество ко мне в подруги навязалось. Как тут быть?.. Пыталась я себя занять чтением книг, активным общением с новыми и старыми знакомыми. В детской поликлинике с мамами знакоилась. Даже подругу себе таким образом хорошую нашла.

Но всё равно на душе покоя не было. Нерастроченная любовь сильней оказалась. И задумалась я тогда с новой силой о любви женской, искренней, безвозмездной, да о поиске именно своего человека – единственного среди миллионов. Но... стереотипы мышления и ещё всякого рода незрелость помешали мне найти своего единственного мужчину. Вернее, встретила я его, но упустила. До сих пор жалею.

– До сих пор? У тебя, значит, все эти годы была несчастная любовь? А на вид ты всегда такая бодрая, довольная всем, уверенная в себе и спокойная.

– Спасибо тебе за комплименты! Если бы я такой не была, не научилась быть самодостаточной, быть одной, но не одинокой, то тогда жизнь меня давно уже сломала бы. Как соломинку...

– Ой, бабуля! Сколько я сегодня для себя нового и важного узнаю!

– Да, внученька, для тебя сегодня новая школа открылась. Школа жизни.

– А расскажи, как же так получилось, что ты его, единственного, упустила?

– Как встретила неожиданно, так неожиданно и упустила. Когда меня грусть-тоска ододела, я слишком доверчивой стала. Легко было любому мужчине меня в себя влюбить, да жалостью окутать. Даже неловко как то вспоминать об этом... В общем, посыпались на мою одинокую душу знакомства с мужчинами – одно за другим. Бабушка, видя, как я ожила, окрылилась, была не против визитов моих кавалеров. И длилось это в течении лет пяти. Только ни с кем

из них у меня так ничего серьёзного и не склеилось. А от одного я даже дочку родила – твою маму.

– А единственный?

– Он был среди них. Имя у него необычное: Витольд. Да и сам он человек очень уж необычный. Нестандартный во всём: одевался, как Элвис Пресли, мыслил, как Сократ. Я часто ловила себя на мысли, что на его фоне выгляжу, как простушка-провинциалка. Даже неловко было с ним ходить на концерты, да спектакли разные, которые он готов был посещать хоть каждый день. Он и сам творил постоянно что-то. То песню под гитару, то поэму, как отзыв на какое-нибудь событие, то портрет чей-нибудь нарисует.

– И тебя рисовал?

– Рисовал. Я сохранила все его портреты.

– А я их не видела. Ты не показывала мне.

– Теперь покажу. Обязательно!

– Он, наверное, известным стал?

– Нет. Он к этому не очень-то стремился. Работал инженером. И творил, творил, творил – не для славы, а для души, для полноты жизни.

– И как же он успевал всё это делать?

– Я тоже задавала себе такой вопрос. И думала: ну, вот выйду за него замуж, семейные заботы лягут на его голову – времени для творчества будет меньше. К тому же себя, как это теперь говорят, презентовать, продвигать он не умеет и в глубине души всё-таки не удовлетворён своей неостребованностью, неизвестностью. А тут ещё я с ребёнком. Вот и решила, что мы не пара. Удивлялась, что же во мне такое особенное есть, что привлекает его внимание? Замечала, что и меня в его натуре что-то привлекает. Но не могла освободиться от комплекса перед его непохожестью на других, нестандартностью, вычурностью, яркостью. Милиция в городе его часто останавливала, подозревая в нём то фарцовщика, то неформала, то иностранца-нелегала. В то время таким людям не было места у нас, за железным занавесом, в Советском Союзе.

И ещё была одна причина, которая отдалила меня от Витольда – его неуверенность в себе. Она проявлялась часто, в том числе и по отношению ко мне. Но он мог быть и сильным... Кстати, человеком, уверенным, спокойным и весёлым Витольд чаще всего был в периоды творчества: от момента вдохновения идеей до её воплощения. А когда не творил, то и не жил – мучился. В работе инженера он уже исчерпал творческий потенциал, приходилось выполнять каждый день одно и то же. Одно и то же по отработанному алгоритму. Это его угнетало. Но и бросить уже нелюбимую работу не решался. Просто не умел зарабатывать своим творчеством... Иногда мне казалось, что его внешний антураж – всего лишь прикрытие противоречивой натуры.

К этому времени бабушка и внучка сделали большой круг среди новостроек и подходили к своему дому.

– Жаль, слишком поздно я поняла, что Витольду просто не хватало поддержки со стороны. Всего лишь опоры на более практичного, более уверенного в себе человека, который смог бы взять его, как маленького, за руку и повести вперёд, через преграды – к созданию условий для самореализации. А я... Я не смогла стать для него такой опорой. А он надеялся, что смогу...

На глазах Галины Андреевны появились слёзы. Глядя на бабушку, Галочка сама чуть не расплакалась.

– А потом, что произошло потом? Вы расстались? Навсегда?

– Мы разуверились друг в друге, встречаться стали очень редко. В это время у Витольда умерла мама, единственный его близкий родственник. Он сильно был к ней привязан, хотя она в его судьбе принимала пассивное участие. В общем, остался Витольд один. Как-то сник. Даже

перестал со своими многочисленными приятелями по концертам, да, как это говорят сейчас, по тусовкам ходить. А вскоре заболел – слёг дома, к врачам не обращался. Так во сне и... умер. Легко ушёл в мир иной.

– Ушёл в мир иной?.. Значит, смерти нет? Я об этом недавно видела триллер.

– Я чем больше живу, тем лучше понимаю, что душа не умирает вместе с телом. О бессмертии души, о духовном богатстве человека и Вселенной, очень хорошо, очень тонко было сказано во многих стихах Витольда. В то время, в семидесятые годы такие стихи и опубликовать-то было практически невозможно. Станным образом после смерти Витольда все его рукописи ко мне на глаза попали. Прочитала я и... Пожалела, что раньше его стихов не понимала и как-то поверхностно воспринимала его личность. Две строчки из его стихотворения об одиночестве до сих пор каждое утро повторяю, когда просыпаюсь. Очень помогает.

Галина Андреевна тут же и прочитала эти строки:

– *И пока горит свеча, мерцанье
это жить и верить помогает...*

Внучка повторила строки несколько раз, а бабушка продолжала свой рассказ.

– А когда на сорок дней пришла на кладбище, к его могилке, впервые подумала о том, что это и был тот самый МОЙ человек – единственный. И с каждым годом убеждалась в этом сильнее. Полюбила его, можно сказать, заочно. Вот такая у нас с ним история любви... На годовщину смерти Витольда пыталась издать сборник его стихов – наверное, единственное, что смогла бы сделать для него тут, на Земле. Но не получилось, цензура не пропустила. Только через лет десять, когда в стране перестройка была в разгаре, смогла я сборник в издательство сдать.

Они уже стояли у подъезда, когда Галина-старшая обняла внучку и повторила:

– Вот такая необычная история любви... Не упусти же ты своего Витольда.

Галочка подняла на бабушку вопросительные глаза.

– Да, Галюня. Надеюсь, вскоре ты поймёшь лучше, что мы с тобой во многом схожи. А то, в чём разные... Всё это, как одуванчик. Ветер подует раз, подует два – и останется... Останется основа. Но у тебя есть одно, очень важное преимущество передо мной.

Тут бабушка сделала паузу, словно подбирая нужные слова.

– Какое же, какое? – торопила внучка.

– У тебя теперь есть шанс не повторить мои ошибки.

Первой книгой, которую Галочка прочитала в начале учебного года, был сборник стихов Витольда Туманцова, подаренный ей бабушкой.

Первой мыслью, с которой внучка просыпалась, стало:

«У тебя теперь есть шанс не повторить мои ошибки...»

А затем как напутствие:

«Не упусти же ты своего Витольда».

История шестая. Духовные иллюзии Роман

Елена *иван* **Витольд** Алина

Владлен МАРГО Инна *Марианна*

Алексей *ЛИНА* Татьяна

Валерий *илья* Кирилл Ксения *ЯН*

Оля *Анна* **Оксана** Макар Лера

Степень просветления, достигнутого здесь,
предопределяет быстроту восхождения,
совершенного там.

Даниил Андреев «Роза Мира»

Часть первая

Когда моему сыну исполнится шестнадцать лет, я дам ему в руки ту самую книгу, которую вы, дорогие читатели, держите сейчас в своих руках... А когда он дочитает до этого места – до истории шестой, – я скажу ему:

– Эта история особенная. Она, наверное, самая поучительная. А ещё... Многое из того, что тут изложено, произошло со мной. Она отчасти автобиографична. А учитывая, что наши характеры с тобой во многом схожи, читай с особым вниманием, сынок, будто готовишься к самому главному экзамену в своей жизни...

Витольд

Я никогда не видел моего отца, хоть он и умер, когда мне, судя по словам мамы, было два года. Мама вышла замуж за другого мужчину, я называл его своим папой. В нашей семье родилось ещё двое детей. Мы жили дружно, жили в достатке.

Когда мне исполнилось шестнадцать, а было это ещё в советское время, мама удивилась:

– Как же ты, Витоша, стал похож на Витольда! Такой же красавчик! Да и по характеру становишься всё ближе к его натуре. Видать, тебе в наследства от отца досталось не только его имя.

Мама не стеснялась в присутствии Гриши – так звали отчима – говорить о Витольде. Просто он и Григорий, как я узнал в день моего шестнадцатилетия, были друзьями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.